

**МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО
СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ**

**НАМАНГАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ**

Кафедра русского языка и литературы

**Идейно-художественное
своеобразие прозы
Бунина-эмигранта**

Выпускная квалификационная работа
Нурматова Бахтиера Халимовича,
представленная на соискание
степени бакалавра по направлению
образования 5220100 – Филология
(славянская филология)

Наманган – 2012

Оглавление

Введение	3 - 8
Глава I. И.А.Бунин - яркий представитель первой волны русской эмиграции	
1.1. Роль И.А. Бунина в русской литературе XIX-XX веков.....	9 - 15
1.2. Основные мотивы произведений эмигрантского периода И.А. Бунина.....	15 - 21
Глава II. Мотив потерянной родины в творчестве И.А. Бунина	
2.1. Россия в цикле «Окаянные дни»	22 - 48
2.2. Философские раздумья о смысле жизни в романе «Жизнь Арсеньева».....	48 - 65
Глава III. Идеино-художественные особенности изображения темы любви в творчестве И.А. Бунина	
3.1. Трагические мотивы в произведениях о любви.....	66 -76
3.2. Своеобразие цикла «Темные аллеи» И.А.Бунина....	76 - 85
Заключение	86 - 91
Список использованной литературы	92 - 94

Введение

В книге «Узбекистан на пороге достижения независимости» [1] Президент Республики Узбекистан Ислам Каримов высказал важные слова о том, что «мы не можем перечеркнуть нашу историю, в которой много и героических, и драматических страниц, борьбу и труд старших поколений, наших отцов и дедов. Они подняли отсталую, полуфеодальную страну на современный уровень социального и научно-технического прогресса. Это объективный факт, который никто и ничто опровергнуть не может» [1,132]

Президент И.А.Каримов также подчеркнул, что «никто не может оспорить и того, что на многих этапах социалистического строительства допускались грубые нарушения и деформации. Корни этих ошибок и преступлений уходят в прошлое.

Изначально неверные ориентиры, цели и пути их достижения были окончательно деформированы, искажены в годы культа личности, годы застоя. Сегодня становятся известны все новые вопиющие факты необоснованных массовых репрессий, безжалостной ломки основных устоев жизни в периоды коллективизации и индустриализации, разрушения духовных ценностей и традиций народов, коррупции перерождения кадров, социально-экономической деградации, игнорирования насущных нужд и жизненных запросов людей.

Эти негативные явления проявлялись во всех регионах, всех республиках, от них пострадали все народы. И считать, кто больше, кто меньше, значит спекулировать на горе и боли людей. Это недостойная политическая игра» [1,134] .

Принципиальное значение имеют высказывания Президента И.А.Каримова об осуждении деформаций, ошибок и преступлений прошлого и о необходимости правдивого анализа прошлого и о стирании «белых пятен»: «Мы категорически осуждаем все деформации, ошибки и преступления прошлого и решительно отмежевываемся от них. Мы однозначно выступаем за правдивый, объективный, критический анализ нашего прошлого и настоящего. Мы за стирание всех «белых пятен» — будь то басмачество, коллективизация, репрессии или разложение застойного периода. Но делать это надо обязательно с учетом конкретных исторических условий каждого события, исходя из того, что это наша история, за каждый шаг в которой заплачено потом и кровью старших поколений. И замазывать ее сплошной черной краской было бы непростительной ошибкой по отношению к памяти наших отцов и дедов, нравственному здоровью наших сынов и внуков» [1,134].

Эти слова можно отнести и к писателю И.А.Бунину, творчество которого долго время замалчивалось, особенно эмигрантский период творчества.

Большое значение для понимания духовности и некоторых моментов экономической политики нашего государства являются работы Президента Республики Узбекистан И.А.Каримова, высказанные в различных трудах. Так, в книге «Узбекистан на пороге XXI века» Президент И.А.Каримов, писал: «Ни одно общество не может видеть свою перспективу без развития и укрепления духовного потенциала, духовных и нравственных ценностей в сознании людей. Культурные ценности народа его духовное наследие на протяжении тысячелетий служили мощным источником духовности для народов Востока» [6,131].

Актуальность исследования.

Актуальность темы квалификационной работы определяется научной и общественно-политической значимостью того круга проблем, которые в ней рассмотрены. Системный подход к изучению литературного наследия русской литературы требует полноты и объективности. Иван Алексеевич Бунин был в значительной мере «забыт» отечественным литературоведением. Объективная оценка личности и творчества выдающегося русского писателя расширяет и углубляет наши представления о путях и проблемах развития российской литературы на рубежном для нее отрезке времени. Обращение к эмигрантскому периоду жизни и деятельности И.А. Бунина важно еще и по причинам, связанным с изучением такого уникального культурного явления, как культура русского зарубежья.

Тема Родины, неизменно важная для писателя, размышления о будущем Отечества не утратили своей актуальности. Известный парадокс личности и творчества И.А. Бунина состоит в том, что склонный скорее к славянофильству, трепетно воспринимавший русскую патриархальность писатель был обречен жить и творить на Западе, нормы и принципы развития которого были ему во многом чужды.

За рубежом, в эмиграции, Бунин остается верен себе, своему таланту. Он изображает красоту мира, русской природы, размышляет о тайне жизни. Но в его стихах до самой смерти звучит боль и тоска по родине и невозможность этой утраты...

Бунин был превосходным переводчиком. Он переводил Байрона («Каин», «Манфред»), Мицкевича («Крымские сонеты»).

Бунин-эмигрант не принял новое государство, но сегодня мы вернули все лучшее, что было создано писателем. Певец русской природы, мастер интимной лирики, Бунин продолжает классические традиции, учит любить и ценить родное слово. Для нас он является вечным символом любви к своему Отечеству и образцом культуры.

Дворянин по происхождению, разночинец по образу жизни, поэт по дарованию, аналитик по складу ума, неутомимый путешественник, Бунин совмещал, казалось бы, несовместимые грани мировосприятия: возвышенно-поэтический строй души и аналитически трезвое видение мира, напряженный интерес к современной России и к

прошлому, к странам древних цивилизаций, неустанные поиски смысла жизни и религиозное смирение перед ее непознаваемой сутью.

В эмиграции Бунин написал свои лучшие произведения, такие как: «Митина любовь» (1924), «Солнечный удар» (1925), «Дело корнета Елагина» (1925), и, наконец, «Жизнь Арсеньева» (1927—1929, 1933) и цикл рассказов «Тёмные аллеи» (1938-40). Эти произведения стали новым словом и в творчестве, Бунина и в русской литературе в целом.

Необходимо особо отметить, что все произведения Бунина эмигрантского периода за очень редким исключением построены на русском материале. Писатель вспоминал на чужбине Родину, ее поля и деревни, крестьян и дворян, ее природу. Бунин прекрасно знал русского мужика и русского дворянина, у него был богатый запас наблюдений и воспоминаний о России. Он не мог писать о чуждом ему Западе и никогда не обрел второй родины во Франции. Бунин остается верен классическим традициям русской литературы и продолжает их в своем творчестве, пытаясь решить вечные вопросы о смысле жизни, о любви, о будущем всего мира.

Сегодняшний день вносит объективные коррективы в оценку наследия И.А. Бунина. И те работы, в которых содержится бережное прочтение его творчества, заслуживают особого внимания. Это исследования таких литературоведов как Михайлов О.Н., Ошар К., Смирнова Л.А. Трубина Л. А., Эберт К., Заманская В.В., Костомарова И.

Творчество Бунина еще недостаточно полно исследовано нашими современниками; научные исследования языка Бунина, стиля Бунина еще впереди. Его влияние на русскую литературу XX века в полной мере еще не раскрыто, может быть, оттого, что Бунин - уникален. Из этой ситуации есть выход: обращение снова и снова к текстам Бунина, к документам, архивам, воспоминаниям о нем современников.

Цель работы: исследовать идейно-художественное своеобразие творчества И.А.Бунина эмигрантского периода.

Для достижения цели предполагается решение следующих задач:

1. Установить основные события и периоды литературной деятельности И.А. Бунина в эмиграции;
2. Исследовать направленность и характерные черты эволюции мировоззрения писателя, а также ее воздействие на творчество в эмигрантский период;
3. Провести литературоведческий анализ произведений писателя в период эмиграции;
4. Выявить идейно-художественные особенности прозы Бунина-эмигранта;
5. Определить мастерство Бунина.

Предметом исследования является определение идейно-художественного своеобразия творчества Бунина-эмигранта.

Объектом исследования является творчество русского писателя И.А. Бунина, его литературные и публицистические произведения («Окаянные дни», роман «Жизнь Арсеньева», повесть «Митина любовь», цикл «Темные аллеи»), в которых нашло отражение мировоззрение писателя, его идейный и нравственный поиск, а также направленность эволюции его взглядов. Источниками, использованными в работе, являются литературные и публицистические произведения, дневники и письма И.А. Бунина, написанные в период эмиграции, а также те, которые имеют отношение к проблемам, избранным для изучения. Большое значение имели также мемуары современников писателя: жены В.Н. Муромцевой-Буниной, писателей А.И. Куприна, М. Горького, А. Толстого, Д. Мережковского, З. Гиппиус, А. Блока. Особое значение, в контексте темы, приобретают воспоминания об И.А. Бунине его соратников по эмиграции.

В ходе работы были использованы следующие **методы исследования**: сравнительно-исторический, текстовой анализы.

Научная новизна исследования состоит в систематизации и обобщении материала и дальнейшем изучении темы идейно-художественное своеобразие прозы Бунина эмигрантского периода.

Структуру квалификационной работы составляют: введение, три главы, заключение, список использованной литературы.

Во введении дается обоснование актуальности темы исследования, характеризуется степень её научной разработанности, определяются объект, предмет, цель, задачи, новизна, теоретическая значимость работы.

Первая глава «И.А.Бунин - яркий представитель первой волны русской эмиграции» исследуются основные мотивы произведений эмигрантского творчества И. Бунина и определяется его роль в русской литературе XIX-XX веков.

Вторая глава «Мотив потерянной родины в творчестве И.А. Бунина» посвящена исследованию темы России в цикле «Окаянные дни» и философских раздумий о смысле жизни в романе «Жизнь Арсеньева»

В третьей главе «Особенности изображения темы любви в творчестве И.А.Бунина» исследуются трагические мотивы в повести «Митина любовь», своеобразие цикла «Темные аллеи» И.А.Бунина,

В заключении подводятся итоги по содержанию квалификационной работы и обозначена практическая значимость.

К работе прилагается компакт-диск с текстом исследования и презентациями.

Глава I. И.А.Бунин - яркий представитель первой волны русской эмиграции

1.1.Роль Бунина в русской литературе XIX-XX вв

Иван Алексеевич Бунин, один из известных и лучших писателей и поэтов в своей стилистике, первым из русских литераторов был номинирован на получение Нобелевской премии. Родился он в царской России, 10 октября 1870 года, в городе Воронеж, но его праху не суждено было упокоиться на русской земле, и ушел он из жизни, находясь в эмиграции, 8 ноября 1953 года, в Париже, Франция.

К началу 20-го века, Бунин стал одним из самых популярных писателей России. Его очерки и рассказы того времени, показывают экстремальную точность языка, тонкое описание природы, подробный психологический анализ, и виртуозное управление сюжетом. Хотя его демократические взгляды вызвали критику в России, они не превратили его в политически ангажированного писателя. Бунин еще в то время считал, что изменения были неизбежными в жизни России. Его желание сохранить свою

независимость проявляется в его разрыве с писателем Максимом Горьким, и другими старыми друзьями, после переворота 1917 года, который он воспринимал как торжество низменных сторон русского народа.

К началу 20-го века, Бунин стал одним из самых популярных писателей России. Его очерки и рассказы того времени, показывают экстремальную точность языка, тонкое описание природы, подробный психологический анализ, и виртуозное управление сюжетом. Хотя его демократические взгляды вызвали критику в России, они не превратили его в политически ангажированного писателя. Бунин еще в то время считал, что изменения были неизбежными в жизни России. Его желание сохранить свою независимость проявляется в его разрыве с писателем Максимом Горьким, и другими старыми друзьями, после революции 1917 года, которую он воспринимал как торжество низменных сторон русского народа.

Статьи и дневники Бунина 1917 – 20 гг. являются записями о его жизни в это время. В мае 1918 года он покинул Москву, и поселился в Одессе, а в начале 1920 г. он в числе первых эмигрировал в Константинополь (ныне Стамбул), а затем во Францию, в Грасс, где и прожил до конца своей жизни. Там он стал одним из самых известных русских писателей – эмигрантов, опубликовав свой дневник «Окаянные дни, в котором он выразил презрение к большевистскому режиму, а его весьма неслестная фраза о Советской власти: «Какая отвратительная галерея осужденных!», облетела весь мир, и стала, чуть – ли не визитной карточкой СССР того времени, и очень повлияла на взгляды русских эмигрантов.

Его рассказы, повесть «Митина любовь» (1924 г.), и автобиографический роман «Жизнь Арсеньева» – которые Бунин начал писать в 1920-х годах, и которые он опубликовал частями в 1930-х и 1950-х годах, были признаны критиками и русскими читателями за рубежом, как свидетельство независимости русской культуры в эмиграции.

Его творчество было гораздо более восхвалено в эмиграции, где его рассматривали как старшего из живущих русских писателей – эмигрантов, придерживающихся в литературе традиций Толстого и Чехова. И как было сказано выше, именно Бунин стал первым русским литератором, получившим премию Нобеля в 1933 году. В связи с ее получением, по пути в Стокгольм, столицу Швеции, где и вручалась данная премия, проездом через Германию, он был вовлечен в неприятную историю: нацисты обвинили его в ювелирной контрабанде, и, откровенно издеваясь над ним, принудили выпить внушительную склянку с касторовым маслом. Эта история стала отправной точкой его ненависти к фашизму в целом, и живя на юге Франции во время Второй мировой войны, и отказавшись от любых контактов с нацистами, он помогал евреям скрываться от их зверств, на своей вилле.

Цикл ностальгических историй – «Темные аллеи» (1943 г.), и сборник других рассказов, были одними из его последних великих работ. После окончания войны, Советский Союз пригласил Бунина вернуться, и продолжить литераторство на своей ниве, но он остался во Франции, так как в эмиграции он чувствовал себя вольнее. Его последний шедевр «Воспоминания и портреты», был издан в 1950 году, а его бесценная незавершенная книга: «О Чехове» (1950 г.), была опубликована посмертно, после заставшего его сердечного приступа на квартире последнего этажа дома, в котором он жил в Париже. Он был похоронен в Сен – Женеьев – де – Буа, на русском кладбище, где покоились все эмигранты из России. Несколько лет спустя во время хрущевской оттепели, Бунин стал одним из первых русских писателей – эмигрантов, чьи работы Советский Союз, опубликовал, несмотря на его дворянское происхождение, и эмиграцию за границу.

В творчестве Бунина ярко отражены традиции русской литературы. Бунин – реалист, для которого свойственны образная память, прекрасное знание народного языка, неуловимая художественность и свобода, великолепная изобразительность, словесная чувствительность. Он внес в литературу новые, непривычные для того времени темы и

звучания, создал ни с чем не сравнимый «бунинский» стиль, до сих пор поражающий нас своей яркой необычностью.

Иван Бунин - один из писателей мировой литературы. Он всю жизнь шел своим собственным путем, не принадлежал ни к одной модной литературной группировке или течению, ни тем более к политической партии, по его выражению, «не выкидывал никаких знамен и не провозглашал никаких лозунгов». Равнодушие было высказано Буниным также к общественным увлечениям и народническим исканиям литературы. Язвительного ума и досконального знания деревни ему хватало с избытком, чтоб насмешливо относиться к так называемым «народникам», верящим в «сермяжную» правду мужика, способную озарить мир и перевернуть его на началах справедливости, стоит только «правду» эту довести до сознания всей России, и она озарится светом высшей социальной и нравственной истины.

Со стороны могло показаться, что в этой жизни его вообще ничего не задевало, что всему злободневному он оставался чужд, что его подчеркнутая верность традициям русской «усадебной культуры» - не более чем анахронизм. Современники не уставали изумляться, как можно оставаться человеком «сугубо аполитичным», «не от мира сего, когда кругом все предвещает перемены» [19,21]. Внешняя бесстрастность, сдержанность, холодноватый эстетизм Бунина, его уравновешенность - все это ставило в тупик, а то и вызывало раздражение. Писателю приходилось выслушивать пылкие либеральные упреки по части игнорирования «общественных вопросов». Например, то же Горький сурово упрекал Бунина: «...не понимаю - как талант свой, красивый, как матовое серебро, он не отточит в нож и не ткнет им куда надо?» [18,153].

Бунина с раздражением поругивали все тогдашние буржуазные критики, чтившие себя столпами прогресса. Бунин им казался «отсталым», не умеющим шагать в ногу со временем. Отчасти и в самом деле какими-то архаическими, опоздавшими родиться выглядели главные мотивы его произведений: о разорении русского помещного дворянства, обнищании деревни, забитости, темноте и жестокости мужиков. Его творчество вселяло чувство безрадостности, бесперспективности русской жизни. Бунин никаких выходов не подсказывал и сам их, видимо, не знал. Все в творчестве Бунина, однако, было гораздо сложнее, чем казалось многим на первый взгляд.

Поэтому он стоит особняком, уникальной творческой личностью в истории русской литературы конца XIX-XX века, так как более русского, влюбленного в Россию писателя трудно назвать в кругу его современников. Об этом свидетельствует все его творчество: «Жизнь Арсеньева» с его тоской по утраченной России, «Деревня» с его истинным пониманием русского мужика, сердитая публицистика, в которой он не признавал и осуждал исторический пожар в России.

Лучшее, что писал Бунин, - написано о России. Где бы он ни жил, в Приморских Альпах, в Париже, в своей скромной квартире, - всюду и всегда своими помыслами он возвращался на родину, по которой тосковал до последнего вздоха. «Странной любовью» любил Бунин свой народ горькой и жалостливой любовью, тоскуя о непонятной судьбе его. Наверное, поэтому так требовательно и трепетно относился писатель к своему и чужому творчеству, напрямую связывая судьбы литературы и судьбы нации: «Ведь существование нации определяется все-таки не материальным... Россия и русское слово (как проявление ее души, ее нравственного строя) есть нечто нераздельное. И не знаменательно ли, что нынешнему падению России, социальному, политическому и всякому прочему не только сопутствует, но задолго предшествовал упадок ее литературы», пишет он в статье «Инония и Китеж» [9,362].

Даже при самом беглом взгляде, очевидно, что Россия Бунина вовсе не «устроенный и ладный мир», какой хотелось бы видеть кое-кому сквозь дымку эмигрантских лет. Она насквозь тревожна, трагедийна, беспокойна, исполнена роковых предзнаменований. Поколение Бунина - совсем иная эпоха: Россия деревенская, Россия дореволюционная и прошедшая через крестьянские бунты, рабочие баррикады 1905 года; Россия наступившей затем реакции; начала войны 1914 года; Россия постепенного развала всего строя дворянской империи; и, наконец, - та же бывшая Россия, но воскрешенная горькой памятью писателя-изгоя, потерявшего свою родину. Эмигрантское творчество Бунина берет свои истоки в его дореволюционном творчестве, однако оно связано и с атмосферой европейского искусства 20-30-х годов, с судьбами русской эмиграции.

«Я хочу говорить о печали» - писал Иван Алексеевич Бунин. Горечью пронизаны все его произведения. В его представлении мир - это бездна, трясина, пучина. Человеческая жизнь рядом с этой бездной так же ничтожна, как корабль во время шторма.

Зинаида Шаховская, современница Бунина, писала о нем: «Самое же главное и неизлечимое, была рана, нанесенная ему судьбою, историей, революцией: изгнание. Типично русский человек в своем неистовстве, вне России - несмотря на все свои скитанья, вольные или невольные - себя не мыслящий, писавший для русского народа, Бунин был оторван и от России, и от читателей, для которых писал. Он ненавидел коммунизм за его хамскую тупоголовость, за разрушение прошлого, без которого нет и будущего, за погашение духа и творчества, за убийство России, потому что без преемственности нет и культуры - а цепь культуры была прервана насилием и, может быть, навсегда...» [39, 25].

Непривычны как бунинские герои, так и обстоятельства их жизни. Странен и облик самого писателя, чем дальше, тем больше предпочитавшего путешествовать не по наезженным западным дорогам, а по заветным восточным путям, совершать паломничества в места, где зарождались цивилизации и народы. Обосновывая это свое пристрастие к странствиям, объясняя рост интереса к «погибшим царствам Востока и Юга», ко «всем некрополям, кладбищам мира», Бунин то и дело заносит в записные книжки, путевые дневники и очерки, подчеркивает в рассказах, что нет ничего мертвого в мире и ничто не исчезает бесследно.

Более чем шестидесятилетний путь Бунина в литературе можно разделить на две примерно равные части - дооктябрьскую и эмигрантскую. И хотя после катастрофических для писателя событий 1917 года он не мог не измениться, его творчество обладает высокой цельностью - редкое качество для русской литературы XX века. Тем больший смысл имеет приверженность Бунина национальному началу, стремление через него раскрыть всемирное содержание жизни. Писатель с мучительной пристальностью всматривается в национальные типы, издавна открытые русской литературой, изводит себя постоянным вопросом: кто же народ? Что же есть такое Россия? Какие именно моменты и стороны ее исторического развития оказываются определяющими для психического склада русского человека? С годами его трагические сомнения и постоянные колебания только усиливаются.

1.2. Основные мотивы произведений эмигрантского периода И.А. Бунина

Бунин. Поэт. Прозаик. Публицист. Его произведения открывают перед нами, читателями, целый мир с «вечными» вопросами бытия: «Что такое человек? Какое место

он занимает в отношении к обществу?”, “Существует ли “память сердца давно минувших дней” в душе человека?”, “Что есть любовь и ненависть, рождение и смерть и какова их роль в жизни человека?”, “Что такое “чистая жизнь” в философском смысле?” И может ли вообще она быть, “чистая жизнь” (ведь “жить в обществе и быть оторванным от общества нельзя”).

Жизнь по Бунину - жизнь сама по себе, горькая, жестокая, нелепая - вдруг оказывается значительной, просветлённой каким-то высшим, человеку, быть может, и недоступным смыслом. То, что сейчас кажется нелепостью, случайностью, “несчастливым случаем”, оказывается, помечено знаком вечности, и надо всеми земными тяготами - чувство особого, лёгкого дыхания.

У зверя есть нора, у птицы есть гнездо...

Как бьётся сердце горестно и громко,

Когда вхожу, крестясь, в чужой, наёмный дом

С своей уж ветхою котомкой!

Эти стихи, пронизанные чувством одиночества, бездомности и тоски по России, написаны Буниным в эмиграции, начавшейся для него в 1921 году. (Там, недалеко от Парижа, он и похоронен на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа.)

Тридцать три года, проведённые на чужбине, “в чужом, наёмном доме”, вдали от земли, которую любил “до боли сердечной”. Чем они были для Бунина-художника?

Думается, что этот период стал взлётом творчества Бунина. В те годы он написал самые совершенные свои произведения.

Самыми “прочувствованными” книгами Бунина 20-30-х годов были сборники рассказов “Митина любовь” (1924), “Солнечный удар” (1927), роман “Жизнь Арсеньева” (1927-1933) и книга новелл о любви “Тёмные аллеи” (1943), которую он сам считал своей “самой лучшей книгой в смысле сжатости, живости и вообще литературного мастерства”. (Это 38 новелл, дышащих страстью и страданием. Гёте говорил: “Новелла - новое, невиданное происшествие”.)

Понимание мира и своего места в нём, которое с такой художественной силой воплотилось в новеллах сборника, Бунин выразил в характерной записи, относящейся к тому времени: “Мы живём тем, чем живём, лишь в той мере, в какой постигаем цену того, чем живём. Обычно эта цена очень мала: возвышается она лишь в минуты восторга - восторга счастья или несчастья, яркого приобретения или потери; ещё - в минуты поэтического преображения прошлого в памяти”. Таким “поэтическим преображением прошлого” и предстаёт творчество писателя эпохи эмиграции.

Новеллы Бунина о любви - это повествование о её загадочной, ускользающей всегда природе, о тайне женской души. Исход любви, по Бунину, всегда трагичен. В повести “Митина любовь” (1924) героя всё время преследует романс Рубинштейна на слова Генриха Гейне: “Я из рода бедных Азров, полюбив, мы умираем!” Впечатление от него как бы переживают все герои новелл из “Тёмных аллей”.

Натура эмоциональная и страстная, Бунин пережил за свою долгую жизнь несколько глубоких, подлинно драматических потрясений. Четыре женщины, каждая из которых стала эпохой для Бунина, сопровождали его, вдохновляли, мучили и радовали. Варвара Пашенко - прообраз Лики из пятой книги романа “Жизнь Арсеньева”. Анна Цакни, расставшись с которой Бунин пишет брату Юлию: “Давеча я лежал часа три в степи и рыдал и кричал, ибо большей муки, большего отчаянья, оскорбления и потерянной любви, надежды, всего, может быть, не переживал ни один человек...”, Вера Николаевна Муромцева-Бунина, Галина Кузнецова.

В любви Бунин видел “возвышенную цену” жизни. Именно она давала сознание “приобретения” счастья. Но это счастье оказывалось неустойчивым, как неустойчива в приобретениях и утратах сама жизнь. Об этом - известные бунинские новеллы “В Париже”, “Холодная осень”, “Генрих” и другие.

Персонажи новелл сборника очень разные. Это студенты, писатели, художники, армейские офицеры. Но все они люди одной судьбы. Все они ищут потерянную “цену жизни”, ищут в любви, в воспоминаниях о прошлой любви. Одна из самых характерных и художественно совершенных новелл сборника - “Чистый Понедельник” (“чистый понедельник” - это первый день поста после масленицы, её последнего, прощенного воскресенья, день очищения от скверны). Как вспоминала Муромцева-Бунина, писатель считал эту новеллу лучшим из всего написанного. Действительно, ею как бы завершался целый период раздумий Бунина о России, её судьбах. С точки зрения художественной это была вершина словесного мастерства Бунина. К тому же “Чистый Понедельник” - не только о любви, но и о судьбах дореволюционной России 1910-х годов, стоявшей тогда на грани неизбежного общественного взрыва. Бунин как бы задавал вопрос: могло ли быть иначе, чем произошло в истории, могла ли пойти Россия не в революцию, а по другому пути национального развития, в чём был её “исторический грех”?

По содержанию, бытовому фону “Чистый Понедельник” - рассказ подчёркнуто национально-русский, со всеми атрибутами русской патриархальности, церковностью, чертами типично московского интеллигентского богемного быта предреволюционного времени. В центре рассказа - несколько загадочный образ русской женщины, в расцвете молодости и красоты ушедшей в монастырь и принявшей постриг. Тайна её характера, внешняя необъяснимость поведения связаны с её изначальным решением, пройдя искусы жизни, уйти от мира с его соблазнами, потерявшего нравственную точку опоры. Уход героини в монастырь внутренне обосновывается у Бунина мотивом некоего искупления за историческое отступничество России, которая “сорвалась” со своих нравственных устоев в бунт и мятежность. Читая рассказ, мы отчётливо видим, как героиня и сам Бунин размышляют о национальном нравственном идеале России.

Бунинская проза этого времени вновь приобретает глубоко субъективный характер, как и в ранний период творчества писателя. Сюжет бунинской поздней новеллы обычно прост, несложен. Развитие действия замедлено лирическими воспоминаниями о прошлом, которые приобретают и вполне самостоятельное значение. Лирика прозы Бунина обращена к памяти, эмоциям человека, неразрывно связанного с невозвратно ушедшим миром: “И вот дни и годы уже туманятся в памяти,- многие дни и годы моих дальнейших скитаний, постепенно ставших моим обычным существованием, определившим неопределённость его, узаконенной бездомностью, длящейся даже и донине, когда надлежало мне иметь хоть какое-нибудь постоянное пристанище, а не смену чужих стен, уже почти два десятилетия..” - говорится в одной из записей Бунина. Так вновь, через двадцать лет после публикации стихотворения “У птицы есть гнездо”, - прозвучала у Бунина мысль о своей “бездомности” без России.

Новеллами “Тёмных аллей” как бы завершились искания Буниным своей художественной формы, своего художественного стиля. Если в 1910-е годы в искусстве Бунина был господствующим способ изображения явлений мира и духовных движений человека путём резких контрастных сопоставлений, введения символики, то в позднем творчестве писатель возвращается (но тому были иные мировоззренческие основания) к лирике своей ранней прозы.

Кроме сборника “Тёмные аллеи”, другим, “подводящим итоги бурного творчества Бунина”, стал роман “Жизнь Арсеньева”, в котором он пытался осмыслить события и своей жизни и жизни России дореволюционного времени. Роман представляет собою лирическую исповедь героя, повествование о формировании личности художника “от истока дней”, через восторги и муки первой любви, радости творчества к осознанию невозвратности ушедшего. Бунинский роман традиционен своей автобиографической заданностью, что подчёркнуто самим писателем, но в то же время существенно отличается по своей структуре и настроению от автобиографических произведений С. Аксакова или Л. Толстого.

В основе романа - созерцание и переживание памятных мгновений жизни, своего прошлого, своего духовного мира, какими они видятся автору сегодня. Основное настроение романа передаёт лирический возглас писателя, когда он вспоминает об ушедшем времени и людях его: “Сказка, легенда - все эти лица, их жизни и эпохи! Точно такие же чувства испытываю я, и теперь, воскрешая образ того, кем я когда-то был. Был ли, в самом деле?..”. В этой удивительной книге слились воедино проза и поэзия, эпическое повествование о России и лирика, создав некий новый жанр “лирической эпопеи”. И хотя лейтмотив романа - тема утрат, однако, в отличие от других произведений Бунина той поры, он лишён трагической тональности. В нём прозвучала страстная убеждённость писателя в силе и власти любви над смертью.

Бунин-художник всегда осознавал человека как звено в цепи поколений. Эта тема звучит и в романе. Память истории, память поколений живёт осознанно или бессознательно в каждом человеке и движет, наряду с влиянием современности, его поступками, определяет его побуждения и склонности. Эту мысль Бунин воспринял ещё в 900-е годы из восточных философских учений, которыми увлёкся после своих путешествий по Востоку. Но в романе эта мысль приобрела новое значение. Бунину важно было сказать, что процесс восприятия современности есть не что иное, как узнавание прошлого, невозвратно ушедшего.

Я считаю, что вопрос о Бунине, говоря словами Анны Ахматовой, “патриарха русской литературы начала XX века”, его жизни в эмиграции и вне её, не закрыт. Да и не может быть закрыт никогда! Ведь именно он был первым русским писателем, удостоенным престижной в учёных кругах мира Нобелевской премии по литературе “за правдивый артистичный талант, с которым он воссоздал типичный русский характер”.

В минуты грусти и отчаяния, разочарования в жизни, когда утерян смысл всего, когда и жить не хочется, берёшь в руки бунинские “Тёмные аллеи” или “Жизнь Арсеньева”, перелистываешь их “волнующие, берущие за душу” страницы и задумываешься о смысле бытия, о любви и смерти, о месте человека в мире, понимаешь, что жизнь хороша (ведь она даётся один только раз!!!), прекрасна, несмотря ни на что:

Пусть не сладились, пусть не сбылись

Эти помыслы розовых дней.

Но коль черти в душе гнездились -

Значит, ангелы жили в ней.

“Нельзя жить без надежды”, - писал Бунин, - будучи в эмиграции, вдали от Родины. Да, писатель прав, тысячу раз прав. И нам, трудно с этим не согласиться. “Вечные темы”, так прекрасно “опозитизированные” в произведениях “писателя русской литературы начала XX века”, всегда будут привлекать внимание читателей всех поколений и возрастов, проникая в их души и сердца, призывая “сеять разумное, доброе, вечное”.

Выводы

Творчество И.А.Бунина обладает высокой цельностью. Тем больший смысл имеет приверженность Бунина национальному началу, стремление через него раскрыть всемирное содержание жизни. Писатель с мучительной пристальностью всматривается в национальные типы, издавна открытые русской литературой.

Его произведения, написанные Буниным в эмиграции, пронизаны чувством одиночества, бездомности и тоски по России.

Во многих произведениях Бунина эмигрантского периода раздумья Бунина о России. Лучшее, что писал Бунин, - написано о России. Где бы он ни жил, в Приморских Альпах, в Париже, в своей скромной квартире, - всюду и всегда своими помыслами он возвращался на родину, по которой тосковал до последнего вздоха.

Новеллы Бунина о любви - это повествование о её загадочной, ускользающей всегда природе, о тайне женской души. Исход любви, по Бунину, всегда трагичен.

Понимание мира и своего места в нём, которое с такой художественной силой воплотилось в новеллах сборника.

Глава II. Мотив потерянной родины в творчестве

И.А. Бунин

2.1. Россия в цикле «Окаянные дни»

Октябрь 1917 г Бунин встретил в том возрасте (сорок семь лет), когда житейский и духовный опыт человека и интерес к реальной жизни находятся в гармоничном сочетании, делающем человека способным максимально глубоко увидеть и оценить сущность происходящих событий. Бунинские дневники, посвященные революции и гражданской войне, пожалуй, самые глубокие документы первой русской смуты двадцатого века.

Январь и февраль 1917 года Бунин жил в Москве. Февральскую революцию и продолжающуюся первую мировую войну писатель воспринимал как страшные предзнаменования всероссийского крушения. Лето и осень 1917 года Бунин провел в деревне, все время, тратя на чтение газет, и наблюдал нарастающую волну революционных событий. 23 октября Иван Алексеевич с женой выехал в Москву. Уехав из Москвы в 1918 г., он на два года поселяется в Одессе, где в это время стояла белая армия.

Предельная чувствительность, честность и порядочность Бунина, его чувство независимости, собственного достоинства, неспособность лгать, притворяться, идти на компромисс со своей совестью и своими убеждениями - все это было жестоко попорно в хаосе гражданской войны.

Октябрьскую революцию Бунин проклял, да еще и с такой ненавистью, как, может быть, никто другой. В пору братоубийственной гражданской войны он занял недвусмысленную позицию противника большевизма. Но нужно отметить, что Бунин никогда не занимался непосредственно политической борьбой, не был членом никакой политической группировки и большевистский строй отвергал не столько с идеологической, сколько с моральной, эстетической, эмоциональной стороны, оставаясь прежде всего независимым от любых идеологий художником. Бунин никогда не относил себя к героическим фигурам русского литературного движения, его гражданские позиции были двойственными: никак не собираясь свергать существующие устои, он страдал от мерзостей, порожденных этими устоями. Наплывы тоски по социальному переустройству человеческого общества Бунин если и испытывал, то в далекой молодости, да и то весьма мимолетно. Тем не менее, Бунин стремился осмыслить события 1917-1919 годов в аспекте мировой истории, русской и европейской, которую новые хозяева не знали, да и не хотели знать, и которую нельзя забывать потомкам

«Окаянные дни» написаны в дневниковой форме. Выбор формы повествования отнюдь не случаен. Дневник - это литературно-бытовой жанр. Повествование ведется от

первого лица в виде повседневных, как правило, датированных записей. У Бунина запись дана в порядке следования, но иногда между днями наблюдаются большие интервалы. Например, за записью от 7 января 1918 года следует заметка от 5 февраля 1918 года. Дневник отличается предельной искренностью, лаконичностью, правдивостью, откровенностью высказывания, происходит фиксация «только что» случившегося и пережитого. Дневник пишется для себя и не рассчитан на публичное восприятие. Это сообщает ему особенную подлинность, достоверность. Обращенный преимущественно к событиям личной жизни, дневник в то же время нередко включает и общезначимые суждения о мире, вырастающие из размышлений над проблемами собственного бытия. Дневник монологичен, но монологическое слово автора может быть и внутренне диалогичным, с неясной оглядкой на мнение другого о мире и о самом себе. Для дневника не характерен разрыв между временем написания и временем, о котором пишут: отсутствие этого временного интервала препятствует взгляду на собственную жизнь как единое целое.

Неслучаен и выбор названия книги - «Окаянные дни». «Окаянный» - проклятый, нечестивый, преданный общему поруганию, преступный (по Ожегову). «Окаянный» - созвучно с библейским именем братоубийцы Каина, человека, который первым на Земле пролил родную кровь, тем самым осквернив весь род людской, породив ненависть человека к человеку. По В. Далю «окаянствовать» - значит жить во грехе, недостойно, богопротивно. Второе значение слова «окаянный» - ненастоящий, несчастный, жалкий, погибший духовно. В дневнике Бунина передан не только гнев на революцию и большевиков, но и жалость, боль за Россию, ее народ, ее культуру, гибель прошлого и ужас настоящего. Ради ее спасения взялся он за перо, желая «указать на страшную болезнь, поразившую общество; распадение душ, совести, веры, языка, утверждение принципа "все позволено" во всей массе народа, что равносильно самоуничтожению» [8,70].

«Окаянные дни» состоят из двух частей, показывающих Москву 1918 года и Одессу 1919 года. Бунин фиксирует факты из жизни, которые наблюдал сам на улицах Москвы и Одессы. В первой части (московской) преобладают зарисовки уличных сцен, обрывки диалогов, слухов, газетных сообщений. Во второй (одесской) части мы слышим голос самого автора, он размышляет о судьбе России, о личных переживаниях, снах, воспоминаниях. Бунин писал свой дневник для себя, он не был рассчитан изначально для публикации, но сложившиеся обстоятельства изменили решение писателя.

Автор размышлял о России, русском народе в наиболее напряженные годы его жизни, поэтому преобладающей становится интонация подавленности, мрачности, беспросветности, униженности происходящим. Бунин передает читателю ощущение национальной катастрофы.

Что видел Бунин в то время, о котором он пишет в дневнике? Над всеми его тогдашними чувствами чаще всего преобладала «безмерная печаль», порой отчаянье, когда обычным стало то, что «грабят, пьют, насилуют, пакостят в церквях» [12,335], поют похабные песни о священниках, - и всюду, в столицах и в провинции, погромы, расстрелы. Накануне эмиграции Бунин, обдумывая свое положение, решал вопрос, не перейти ли на нелегальное положение. Он пишет в 1919 году, будучи в Одессе: «День и ночь живем в оргии смерти. И все во имя «светлого будущего», которое будто бы должно родиться именно из этого дьявольского мрака» [12,327].

На страницы Бунина выплескивается улица; митингуют, спорят до хрипоты или же ропщут, жалуются, угрожают разношерстные лица - коренные москвичи и сошедшие в российскую столицу рабочие, солдаты, крестьяне, барыни, офицеры, «господа», просто обыватели.

Бунин ненавидел и ненависти своей не стеснялся. Луначарский - «гадина». Блок - «человек глупый». Керенский - «выскочка, делающийся все больше наглецом» [12,320]. Большевики - «более наглых жуликов мир не видел». Но дело не в конкретных

личностях, для Бунина неприемлемы само революционное сознание, мышление, поведение. О счастливом будущем он высказался весьма точно: «вечная сказка про красного бычка» [12,321].; о том, что революция - стихия: «чума, холера тоже стихии. Однако никто не прославляет их, никто не канонизирует, с ними борются...» [12,344].

«Купил книгу о большевиках, - пишет он. - Страшная галерея каторжников!» » [12,332]. Для Бунина любой революционер есть бандит, преступник в самом прямом и вульгарном смысле. «Преждевременная» преступность конкретных деятелей революции весьма сомнительна, но в целом Бунин совершенно точно выхватил действительную проблему русской революции - участие в ней уголовной стихии.

Отличительная особенность «Окаянных дней» в том, что Бунин реагирует на всю развороченную жизнь. В его книге много «нейтрального» материала, воспоминаний о прошлом, пейзажей. Он замечает такие детали, которые в газете были бы неуместны: «дама в пенсне», «молодой офицер», который покраснел, потому что не может заплатить за билет. Эти трогательные подробности очеловечивают грозные и страшные события. Бунин не раз записывает, как он сам остро их переживает, так остро, что испытывает физическую боль, «горячее напряжение всех последних и душевных сил...»: газету разворачивает «прыгающими руками», а потом вдруг чувствует, что «бледнеет, что пустеет темя, как перед обмороком...» [12,344]. По этим деталям видно, как борется писатель-реалист с безумным миром, как он побеждает сумасшествие точным, трезвым словом. [18,70]. Бунин смотрит на происходящее с позиции времени. Оно подтвердило его правоту.

В «Окаянных днях» Бунин выступает не только как публицист, но также как художник слова, природа не может оставить его равнодушным. Он записывает в дневнике не только бурные события, но также привлекает его пристальное внимание, сияющее повесенному небу, месяц в небе, розовые облака, сугробы - то, что вызывало в нем «тайный восторг какой-то», в чем чувствовалась поэзия, и было опьянение от мира, когда многое так восхищало. Пейзажные зарисовки занимают особое место в дневниковых записях И.А. Бунина. Пейзаж помогает писателю смягчить, очеловечить страшные события 1917 года. Происходящее вокруг не может изменить сущности истинного художника, всю жизнь посвятившего поискам сочетания «прекрасного и вечного». Бунин широко использует художественные средства. Оригинальна цветовая гамма - «бледно-молочной ночью», «розовые огни», «могильно-темна», «золотые маковки церквей», «сизая даль». Разнообразны эпитеты - «весна окаянная», «дикая музыка», метафоры - «голова горит», «деревцо побледнело», «Москва обещеченная». Бунин называет Россию «старым домом», солдат - «грабителями». Вожди революции получают множество определений - «жулики», «мерзавцы», «словоблуды».

Критическое отношение к действительности в произведении Бунина направлено, главным образом, против новой власти, которую он называл «кучкой авантюристов, считающих себя политиками» [12,338]. О вождях революции Бунин высказывается неоднократно и безжалостно. Вот начальник, с которым Ивану Алексеевичу приходится непосредственно общаться - комиссар дома. Высокий чин этот человек получил только потому, что был самым молодым и неимущим из квартирантов. Но и теперь, самый скромный и робкий из соседей, он дрожит при одном лишь упоминании революционного трибунала.

Профессор Щепкин теперь именуется «комиссаром народного просвещения», и первое, что бросается в глаза при встрече с ним, «грязный бумажный воротничок ..., и толстый старый галстук, выкрашенный в красный цвет масляной краской» [11,120]. Работу свою во главе народного просвещения Щепкин видит, прежде всего, в составлении для ЧК списков неугодных ему преподавателей. Есть и вполне заметные успехи в его деятельности - сумел закрыть до своего увольнения университетскую церковь. Малограмотный коммивояжер Шпан, предлагавший Бунину свои услуги в качестве импресарио для поездки в Николаев, Харьков и Херсон, стал «комиссаром по

театральному делу». Л.И. Гальберштадт, сотрудник «Русских ведомостей» и «Русской мысли», невероятно огорчившийся уходом французов, теперь работает в газете «Голос красноармейца». Революционное начальство грубо и аляповато перенимает нравы перебитой буржуазии: лихачи, авто, девки, кокаин. На лицах победителей какая-то ложь, нет в них обыденности и простоты. Вместо разрушенной нормальной жизни идет «сумасшедшая по своей бестолковости и горячке имитация какого-то будто бы нового строя, нового чина и даже парада жизни». [11,94]. Ни одной «мелочи» не прощает Бунин новой власти, потому что утверждается она на обещаниях справедливости, а новые хозяева на деле грубы, жуликоваты, недалеки, невежественны. Вот каким образом Советская власть не дает пропасть от голода безработному человеку из народа. Вот она новая справедливость: пришел рабочий в Совет просить работы, а ему говорят: «Мест... нет, а вот тебе два ордера на право обыска, можешь пожить» [12,318]. Такие люди выживут в революционной сумятице, благодаря своей неразборчивости в выборе жизненного идеала. Расхождение между словом и делом - вот что больше всего возмущает писателя.

Нравственная грязь горожан сочетается с уличным убожеством: «на тротуарах был сор, шелуха подсолнухов, а на мостовой навозный лед, горбы и ухабы» [12,356].

Революция ему не кажется «величайшей», «победоносной», «всемирной», «чудесной». Суть революции Бунин видит в призывах «проломить голову фабриканту, вывернуть его карманы и стать стервой еще худшей, чем этот фабрикант» [1,94].

Бунин отмечал, что к власти пришли «вчерашние изгои, которые искренне ненавидели прошлое, и свое личное, и всей России. И в то же время любимыми средствами, чаще всего кровавыми, отстаивали свое новое положение: возможность распоряжаться не только своим имуществом, но и чужими жизнями; сидеть в личных кабинетах; пользоваться безотказной любовью секретарш и актрис; распределять блага среди родных и знакомых; устраивать на теплые местечки детишек и родственников. Но чтобы легче насаждать новое, следовало как можно быстрее уничтожить память о прошлом» [8,75]. Деятельность революционного правительства после 1917 года направлена на уничтожение памятников царям, генералам, независимо от их художественной ценности, исторического значения. Бунин собирает подобные факты, их много в «Окаянных днях». Так, в Киеве «приступлено к уничтожению памятника Александра Второго. Знакомое занятие, ведь еще с марта 1917 года начали сдирать орлы, гербы...» [11,125]. Бунин часто встречает залепленные грязью вывески. На них замазаны слова, напоминающие о прошлом: «императорский», «величайший». От разрушения символов царской России революционное правительство перейдет к физическому уничтожению людей, которые являются представителями той России. Выступления революционных вожаков с предложением «употреблять буржуев вместо лошадей для перевозки тяжестей» встречаются бурными аплодисментами. На похоронах погибшего революционера звучит клич: «За смерть одного революционера - тысячу смертей буржуев!» [12,337]. Более всего невыносимым было для Бунина насилие над церковью и уничтожение религии: «Большевики стреляли в икону» [11, 54] Бунин. В записи за 9 февраля 1918 года И. Бунин воспроизводит услышанный им разговор двух женщин, одну из которых он принципиально называет «дамой», а другую - «бабой». «Это для меня вовсе не камень, этот монастырь для меня священный храм...» - говорит «дама». «Баба» ей отвечает: «... Для тебя он священ, а для нас камень и камень!» Если не уяснить этой позиции Бунина, то нельзя будет понять, отчего с такой страстностью пишет он обо всем в своем дневнике. «Русский народ взывает к Богу только в горе великом. Сейчас счастлив - где эта религиозность!» [11,48]

Бунин приводит массу цитат, часто из газет «Известия», «Голос Красноармейца», в которых новые хозяева разоблачают самих себя, вроде «Вперед, родные, не считайте трупы!» [11,139]. Среди тех, за кем шла, как он говорит,

настоящая охота, были знакомые Бунина, литераторы - А.А. Кипен - и простые люди - Моисей Гутман, «очень милый человек» [12,353], которого убили (он перевозил Бунина на дачу). На улице могут убить ни за что и старика, соратника Брусилова, и медсестру, прошедшую всю войну, и ребенка. Большой ложью звучали для него слова: «Революции не делаются в белых перчатках». Писатель тяжело переживал происходящее в стране. Истинными виновниками ненужного и бессмысленного кровопролития называет правительство большевиков, тех, кто разжег в народе ненависть, развратил ломкой старого порядка.

Бунин считался баринком, белым. А разве белые не народ? - до сих пор жгуче звучит вопрос писателя. Они тоже народ, давший культуру России, давший лучших представителей. В условиях расколотого общественного сознания «белый» Бунин защищает общечеловеческие нравственные основы. «Народу, революции все прощается, - «все это только эксцессы». А у белых, у которых все отнято, поругано, изнасиловано, убито, - родина, родные колыбели и могилы, матери, отцы, сестры, - “эксцессов”, конечно, быть не должно» [12,344]. Бунин требует единого нравственного суда над «нашими» и «не нашими», что является преступлением для одной стороны, то преступно и для другой.

Бунин отвергал насилие; вслед за Толстым и Достоевским призывал бороться «за вечные, божественные основы человеческого существования». Бунин также сказал: «...все преграды, все заставы божеские и человеческие пали» [12,323].

Он отвергал всякую насильственную попытку перестроить человеческое общество, оценив события октября 1917 года как «кровавое безумие» и «повальное сумасшествие». Это важнейший мотив его книги. Теперь, после всего пережитого в годы сталинизма, особенно хорошо становится понятен великий смысл отстаивания Буниным общечеловеческих ценностей, которые так попирались в «окаянные дни»; он предчувствовал будущее, понимал, к чему поведет потеря высшего смысла жизни и расшатанность нравственного состояния общества.

Никакими высокими целями не оправдано убийство, Бунин не может простить его ни конкретным людям, ни партии: «В этом и весь секрет большевиков - убить восприимчивость» [12, 322]

Революция обесценила жизнь человека, она стала игрушкой в руках так называемых «революционеров». Ежедневным явлением стали уличные самодуры, поражающие быстротой вынесения приговора и жестокостью. «...Захвачены с поличным два вора. Их немедленно «судили» и приговорили к смертной казни. Сначала убили одного: разбили голову безменом, пропоролы вилами бок и мертвого, раздев догола, выбросили на проезжую часть. Потом принялись за другого...» [11,68].

«Матрос убил сестру милосердия - “со скуки”» Бунин И.А. Окаянные дни. М.: Советский писатель 1990. - С. 62.. «Какого-то старика полковника живьем зажарили в паровозной топке» [1,306].

«Большевики в Ростове... расстреляли 600 сестер милосердия» [12,318].

Писатель видит всю эту кровь, всю эту мерзость и не может не реагировать об это: «Потрясло. Ужас, боль, бессильная ярость» [11,53].

Да и что можно сделать с теми, кто говорит: «Стрелять будем, если вы пойдете против нас». И.А. Бунин не скрывает своего страха: «Москва так мерзка, что страшно смотреть» [11,58], «Арбат по ночам страшен». А самое ужасное для него не это. Он понимает, что от природы жестоких людей все-таки не так уж много. Самое жуткое в людях - безразличие к окружающим, к тому, что творится рядом. И Бунин сам неоднократно почувствовал это «на своей шкуре»: «Меня в конце марта 17 года чуть не убил солдат... Мерзавец солдат прекрасно понял, что он может сделать со мной все, что угодно, совершенно безнаказанно, - толпа, окружавшая нас... оказалась на его стороне» [12,327].

Разговоры о том, что всякая революция сопровождается кровопролитием, не вызывает у писателя решительно никакого сочувствия: «Давеча прочитал про расстрел 26 как-то тупо». Он чувствует, как события с каждым днем меняют его ощущения мира,

притупляют его человеческую и художественную чуткость. Поэтому он и «старается ужасаться», заставляет себя разбивать на числа, раскладывает их на единицы человеческих судеб, видеть за каждым слагаемым «искривленное предсмертной судорогой лицо, застывшее выражение ужаса в глазах». Важнейший мотив книги Бунина - отстаивание общечеловеческих ценностей, которые попирались в «окаянные дни». Для И. Бунина революция стала не только «падением России», но и «падением человека», она разлагает его духовно и нравственно. Огромный исторический сдвиг, произошедший в стране, выворачивает гигантские пласты, срезает верхний тонкий культурный слой почвы, приносит невиданные «типы улицы». Писатель бродит по неузнаваемым улицам, вглядывается в лица новых хозяев, чтобы запечатлеть в памяти, донести их до потомков. Для Бунина народ - «это всегда - глаза, рты, звуки голосов,... речь на митинге - все естество произносящего ее» [11,95]. И перед читателем предстают лица, характеры, мысли народные. «Говорит, кричит, заикаясь, со слюной во рту, глаза сквозь криво висящее пенсне кажутся особенно яростными. (...) И меня уверяют, что эта гадюка одержима будто бы "пламенной беззаветной любовью к человеку", "жаждой красоты, добра и справедливости!» [11,103]. Для Бунина этот тип лишь «производное», «пена» во время шторма. Своего классового врага он представляет четко: «Закрою глаза и все вижу как живого: ленты сзади матросской бескозырки, штаны с огромными раструбами, на ногах бальные туфельки от Вейса, зубы крепко сжаты, играет желваками челюстей... Вовек теперь не забуду, в могиле буду переворачиваться!» [11,103]. Бунин отмечает в книге, что люди в разных городах кажутся ему одинаковыми, пугающими злым выражением лиц. Сами города становятся безликими, серыми. Другой преобладающий цвет - красный. Он вспоминает Петербург 1917 года. «Невский был затоплен серой толпой, солдатней в шинелях внакидку, неработающими рабочими, гуляющей прислугой и всякими ярыгами, торговавшими с лотков и папиросами, и красными бантами, и похабными карточками, и сладостями, и всем, что просишь. А на тротуарах сор, шелуха подсолнухов, а на мостовой навозный лед, горбы и ухабы» [11,111].

Москва 1918 года встает перед ним «жалкая, грязная, обесчещенная, расстрелянная и уже покорная,...» Ватаги «борцов за светлое будущее», совершенно шальные от победы, самогонки и архискотской ненависти, с пересохшими губами и дикими взглядами, с тем балаганным излишеством всяческого оружия на себе, каково освящено традициями всех «великих революций» [11,165]. В Одессе Бунин отмечает, что подбор лиц удивителен, казалось ему, что и не уезжал из Москвы. «Какая, прежде всего грязь! Сколько старых, донельзя запакощенных солдатских шинелей, сколько порыжевших обмоток на ногах и сальных картузов, которыми точно улицу подметали, на вшивых головах! А в красноармейцах главное - распушенность. В зубах папироска, глаза мутные, наглые, картуз на затылок, на лоб падает "шевелюр». [11,123]. Многие в поведении людей Бунин объясняет помешательством, каким-то дьявольским наваждением.

Необходимость перемен он сознавал, накануне революции хотел скорейшего Бунина, до революции не принадлежавший к числу писателей с «политическим направлением», оказался человеком глубоко гражданственным. В канун Октябрьской революции и мироощущение, и гуманистическая направленность творчества характеризуют Бунина как прогрессивно мыслящего человека. Он считал, что лишь дворянство, с его высокой культурой, способно управлять Россией. Он не верил в разум и творчество народных масс (повесть «Деревня» наглядно продемонстрировала это). Идея управления государством темными, невежественными людьми была для него чудовищной. В социальной борьбе он усмотрел только разрушение, душевное ожесточение, кровопролитие, падение культуры. Революция действительно принесла эти горькие последствия. Болезненные предчувствия Бунина были во многом справедливы.

Революция осмысливается Буниным отчасти как следствие действия роковых сил самого исторического процесса, отчасти как следствие действия разрушительных, жестоких инстинктов, таящихся в душе русского человека (мужика по преимуществу). Хорошо зная эти инстинкты, писатель понимал, что без кровопролития в нашей стране власть поменяться не может, но такого он не ожидал. «Я был не из тех, кто был ею застигнут врасплох, для кого ее размеры и зверства были неожиданностью, но все же действительность превзошла все мои ожидания: во что вскоре превратилась русская революция, не поймет никто, ее не видевший. Зрелище это было сплошным ужасом для всякого, кто не утратил образа и подобия Божия, и из России... бежали сотни тысяч людей, имевших малейшую возможность бежать» [11,26].

Бунин характеризует революцию как начало безусловной гибели России в качестве великого государства, как развязывание самых низменных и диких инстинктов, как кровавый пролог к неисчислимым бедствиям, какие ожидают интеллигенцию, трудовой народ, страну.

Дневниковые записи И.А. Бунина 1917 года обрываются строками 21 ноября: «12 часов ночи. Сижусь один - слегка пьян. Вино возвращает мне смелость, мудрость, чувственность, ощущение запахов и прочее... Передо мною бутылка №24 удельного. Печать, государственный герб. Была Россия. Где она теперь? О, боже, боже...» [11,58]. Так встретил Бунин Октябрьскую революцию, по его определению - «окаянные дни».

Бунинский дневник 1918 (Москва) и 1919 (Одесса) годов появился в 1935 году в десятом томе берлинского собрания сочинений Бунина под названием «Окаянные дни». Именно здесь яснее всего выясняются причины, заставившие писателя покинуть страну.

Эту книгу у нас обходили молчанием, или бранили. Это началось после 1917 года, когда под запретом оказались произведения, объявленные антисоветскими. Их не разрешалось печатать потому, что произведения указывали на негативные стороны революции, предупреждали об их опасности для будущего России. Из литературы и общественной жизни были вычеркнуты роман «Мы» Е. Замятина, сборник «Из глубины», письма В. Короленко к А. Луначарскому, «Несвоевременные мысли» М. Горького. И можно только предполагать, каково было бы их воздействие на общественное и индивидуальное сознание людей.

Существование этой книги никогда не было тайной, «официальному» литературоведению «Окаянные дни» были известны, и исследователи творчества И. А. Бунина должны были как-то увязывать признания автора с действительностью и с признанием Бунина замечательным русским художником. Более смелые критики пытались обойти вниманием «Окаянные дни», не заметив или не придав им должного значения. К примеру, А. Нинов утверждал, что «Окаянные дни» дают почти клиническую (!) картину разрушительной внутренней ломки, пережитой им в это время, с художественной стороны не имеют никакой ценности: «Нет здесь ни России, ни ее народа в дни революции. Есть лишь одержимый ненавистью человек. Эта книга правдива лишь в одном отношении - как откровенный документ внутреннего разрыва Бунина со старой либерально-демократической традицией» [16,264].

О. Михайлов сравнивал Бунина с юродивым; который, «шевелив вершами, под звон дурацкого колокольчика иступленно кричит хулы... проклинает революцию» [34,187-202].

Но была и подборка материала к 120-летию со дня рождения «Неизвестный Бунин» в литературно-художественном и общественно-политическом журнале «Слово», в которой утверждались «пророческие мысли незабвенного Бунина, не дрогнувшего произнести высокую правду об Октябрьской революции и ее вождях», и было мнение М. Алданова, считавшего, что в «Окаянных днях» есть страницы, сравнимые с лучшим из всего написанного писателем.

Такое разноликое отражение «Окаянных дней» в современной нашей литературной критике заставляет внимательнее отнестись к книге, составить свое мнение о Бунине. Это яркое, правдивое, острое и меткое публицистическое произведение, пронизанное яростным неприятием революции.

В этой книге видна неутолимая боль за Россию и горькие пророчества, выраженные с тоской и бессилием что-либо изменить в творящемся хаосе разрушения вековых традиций, культуры, искусства России.

Между тем, при всем накоплении в ней «гнева, ярости, бешенства», а может быть, именно поэтому, книга написана необыкновенно сильно, темпераментно, «лично». Он крайне субъективен, этот художественный дневник 1918 - 1919 годов, с отступлением в предреволюционную пору и в дни Февральской революции. Политические оценки в нем дышат враждебностью, даже ненавистью коэффицент большевизму и его вождям.

Среди этого безумия Бунин неожиданно выделяет фигуру военного «в великолепной серой шинели, туго перетянутого хорошим ремнем, в серой круглой военной шапке, как носил Александр Третий. Весь крупен, породист, блестящая коричневая борода лопатой, в руке в перчатке держит Евангелие. Совершенно чужой всем, последний могикинин» [11,77]. Он противопоставлен толпе. Он символ ушедшей России. Важной деталью в его образе является Евангелие, заключающее в себе святость старой Руси. Таких образов у Бунина встречается немало. «На Тверской бледный старик-генерал в серебряных очках и в черной папахе что-то продает, стоит скромно, скромно, как нищий... Как потрясающе быстро все сдались, пали духом!» [11,70]. Ивану Алексеевичу тяжело и горько видеть, насколько унижены и опозорены все те, кто составлял славу и гордость страны. Скорбью и негодованием пронизаны страницы бунинского дневника.

Бунин предъявляет суровый счет не только революционерам, но и самому русскому народу; тут он действительно резок, несентиментален, как не были сентиментальны его дореволюционные повести «Суходол» и «Деревня». «Нет никого материальней нашего народа. Все сады срубят. Даже едя и пья, не преследуют вкуса - лишь бы нажраться... А как, в сущности, не терпят власти, принуждения! Попробуй-ка введи обязательное обучение! С револьвером у виска надо ими править... Злой народ! Участвовать в общественной жизни, в управлении государством - не могут, не хотят за всю историю» [11,42]. - отмечает он осенью 1917-го. «Злой» не потому, что русский; «злой» - значит таково его состояние в данный момент. Бунин негодует на народ не потому, что презирает его, а потому что хорошо знает его созидательные духовные потенции, понимает, что никакое «всемирное бюро по устройению человеческого счастья» (по мнению писателя совершенно реальное) не способно разорить великую державу, если сам народ этого не позволит. «Народ болеет. Не от природы болен, а именно сейчас болеет... Все это всегда бывало, и народный организм все это преодолел бы в другое время. А вот преодолет ли теперь?» [11,42].

Бунин считает основой русского народа мужика, который сохранил еще некоторый разум, стыд. Русский крестьянин возмущен распущенностью и понимает, что все идет от слабости власти. Простой мужик делает вывод, что «теперь народ, как скотина без пастуха, все перегадит и самого себя погубит». [11,111]. Народ, ослабленный физически и морально, надеется на то, что «немец придет, наведет порядок». Бунин отмечает одну из основных черт русского характера - надежда на кого угодно, только не на себя.

На вопрос «кто виноват?» Бунин отвечает: «Народ». И при этом большую вину за происходящее возлагает на интеллигенцию. Бунин совершенно исторически точно определил, что она во все времена провоцировала народ на баррикады, а сама оказывалась неспособной организовать новую жизнь. Бунин упрекает прежде всего интеллигенцию в том, что она за «человечеством» и «народом» не видела отдельного человека. Даже помощь голодающим происходила «театрально», «литературно», только ради того, чтобы «лишний раз лягнуть правительство». «Страшно сказать, - записывает 20 апреля 1918 года Бунин, - но правда: не будь народных бедствий, тысячи интеллигентов были бы прямо несчастнейшие люди. Как же тогда заседать, протестовать, о чем писать и кричать? А без этого и жизнь не в жизнь» [12,324]. А в 1918 году он заявлял: «Не народ начал революцию, а вы. Народу было совершенно наплевать на все, чего мы хотели, чем были

недовольны. Не врите на народ - ему ваши ответственные министерства, замены Щегловитых Малянтовичами и отмены всяческих цензур были нужны, как летошний снег, и он это доказал твердо и жестоко, сбросивши к черту временное правительство, и Учредительное собрание и "все, за что погибли поколения лучших российских людей", как вы выражаетесь...» [12,321]. Интеллигенция могла бы подписаться под словами А. И. Герцена: «Я ничего не сделал, ибо всегда хотел сделать больше обыкновенного» [33,145].

Знаменитейшая традиция русской литературы чувства добрые лирой пробуждать поправа, поэзия стала служить низменным чувствам: «Новая литературная низость, ниже которой, кажется, падать уже некуда, открылась в кабаке «Музыкальная табакерка» - сидят спекулянты, шулеры, публичные девки, лопают пирожки по сту целковых штука, пьют ханжу из чайников, а поэты и беллетристы (Алешка Толстой, Брюсов и т. д.) читают им свои и чужие произведения, выбирая наиболее похабные» [12,319]. Писатель считает это одной из причин развращения общества: «Все, что было темного, наглого, противоестественного... в литературе за последние двадцать лет - не то же ли, что теперь в общественной жизни?» [11,44].

Автор «Окаянных дней» замечает, как с приходом Советской власти рушится создаваемое веками: «почта русская кончилась летом 17 года, с тех пор, как у нас впервые, на европейский лад, появился министр почт и телеграфов. Тогда же появился министр труда - и тогда же Россия бросила работать» [12,344]. В силу народной оторопи на всем пространстве России вдруг оборвалась громадная, веками налаженная жизнь и воцарились «беспричинная праздность, противоестественная свобода от всего, чем живо человеческое общество» Народ перестал растить. хлеб и строить дома, вместо нормальной человеческой жизни началась «сумасшедшая по своей бестолковости и горячке имитация какого-то будто бы нового строя: пошли совещания, заседания, митинги, полились декреты, залился трезвоном «прямой провод», и все устремились командовать. Улицы заполнились неработающими рабочими, гуляющей прислугой и всякими ярыгами, торговавшими с лотков и папиросами, и красными бантами, и похабными карточками, и сладостями...». Народ стал подобен «скотине без пастуха, все перегадит и себя погубит». [12,344].

Бунин подмечает в поведении людей изменчивость в отношении к труду. «Как злобно, неохотно отворял нам дверь швейцар!» [11,86]. Слуга брата Юлия, Андрей, прослуживший у него около 20 лет, «служит еще аккуратно, но, видно, уже через силу, не может глядеть на нас, уклоняется от разговоров с нами, весь внутренне дрожит от злобы, когда же не выдерживает молчанья, отрывисто несет какую-то загадочную чепуху». [11,69]. И.Бунин приходит к выводу, что народ не был готов к роли созидателя новой жизни. Причину этого они видят в истоках русского национального характера.

Страх сковал многих людей, потому что к управлению страной пришли вчерашние кухарки, внешний вид которых наводит тоску по вчерашним прекрасным лицам, столь дорогим Бунину. Вот выступает известный оратор, и Бунин с отвращением разглядывает его слушателей: «Весь день праздно стоящий с подсолнухами в кулаке, весь день механически жрущий эти подсолнухи десертир. Шинель внакидку, картуз на затылок. Широкий, коротконогий. Спокойно-нахален, жрет и от времени до времени задает вопросы и не единому ответу не верит, во всем подозревает брехню. И физически больно от отвращения к нему, к его толстым ляжкам в толстом зимнем хаки, к телячьим ресницам, к молоку от нажеванных подсолнухов на молодых, животно-первобытных губах» [12,368].

Для Бунина лица красноармейцев, большевиков, сочувствующих им, совершенно разбойничьи: «Римляне ставили на лица своих каторжников клейма. На эти лица ничего не надо ставить, - и без всякого клейма видно» [12,317].

Для Бунина любой революционер есть бандит. В целом он совершенно точно выхватил действительную проблему русской революции - участие в ней уголовной стихии: «Напустили из тюрем преступников, вот они нами и управляют, а их надо не выпускать, а давно надо было из поганого ружья расстрелять».

Малосимпатичный Бунину новый хозяин страны не требователен к еде, хотя и кричит от коликов в животе после «ужасного горохового хлеба», а если ест колбасу, то «отрывает куски прямо зубами», он требует запретить буржуям ходить в театры, потому что «мы вот не ходим».

Писатель приходит к неожиданному выводу: революция произошла в силу слабости, а не силы народа; она представляет опасность, прежде всего, для самого народа, разлагая его духовно и нравственно.

У него все происходящее рассматривается как течение вечного закона истории, как очередное проявление сущности русской истории, которую сходным образом излагал уже Татищев: «Брат на брата, сыновья против отцов, рабы на господ, друг друга ищут умертвить единого ради корыстолюбия, похоти и власти, ища брат брата достояния лишить, не ведуще, яко премудрый глаголет: ища чужого, о своем в оный день возрыдает...» [11,98].. И комментарий Бунина: Уроки уже были, но беда в том, что никто не захотел изучить «Российскую историю» Татищева и сегодня «А сколько дурачков убеждено, что в русской истории произошел великий “сдвиг” к чему-то будто бы совершенно новому, доселе небывалому». [11,98] . Писатель размышлял о сути революции, сопоставляя эти события в разных странах в различное время, и пришел к выводу о том, что они «все одинаковы, все эти революции!» Одинаковы в своем стремлении создать бездну новых административных учреждений, открыть водопад декретов, циркуляров, увеличить число комиссаров - «неприменно почему-то комиссаров», - учредить многочисленные комитеты, союзы, партии. От 9 июня Бунин записывает высказывание Наполеона о революции:... «честолюбие породило и погубит революцию. Прекрасным предлогом дурачить толпу остается свобода» .Сравнивая вождей французской революции с российской, Бунин замечает: «Сен-Жюст, Робеспьер, Кутон... Троицкий, Дзержинский... Кто подлее, кровожаднее, гаже ? Конечно, все-таки московские. Но и парижские были не плохи» [12,389]. Опираясь на примеры истории, Бунин высказывает мысль, что революция не несла в себе чего-то нового, это был очередной бунт, доказывающий «до чего все старо на Руси и сколь она жаждет прежде всего бесформенности». Писатель убежден, что поменялось лишь название очередного бунта.

Таким образом, Бунин видит причину всех бед в незнании истории. Да и нас жизненный опыт убеждает в том, что человек может строить прогнозы, делать серьезные предсказания, если он умеет глубоко проникнуть в предшествующую историю страны, найти в ней вектор развития, тогда он может судить о будущем.

Отличительная особенность «Окаянных дней» в том, что Бунин реагирует на всю разворощенную жизнь. В его книге много «нейтрального» материала, воспоминаний о прошлом, пейзажей. Он замечает такие детали, которые в газете были бы неуместны: «дама в пенсне», «молодой офицер», который покраснел, потому что не может заплатить за билет. Эти трогательные подробности очеловечивают грозные и страшные события. Бунин не раз записывает, как он сам остро их переживает, так остро, что испытывает физическую боль, «горячее напряжение всех последних и душевных сил...»: газету разворачивает «прыгающими руками», а потом вдруг чувствует, что «бледнеет, что пустеет темя, как перед обмороком...» [12,367] . По этим деталям видно, как борется писатель-реалист с безумным миром, как он побеждает сумасшествие точным, трезвым словом [8,70] . Бунин смотрит на происходящее с позиции времени. Оно подтвердило его правоту.

В «Окаянных днях» Бунин выступает не только как публицист, но также как художник слова, природа не может оставить его равнодушным. Он записывает в дневнике не только бурные события, но также привлекает его пристальное внимание, сияющее по-весеннему небо, месяц в небе, розовые облака, сугробы - то, что вызывало в нем «тайный восторг какой-то», в чем чувствовалась поэзия, и было опьянение от мира, когда многое так восхищало. Пейзажные зарисовки занимают особое место в дневниковых записях И.А.

Бунин. Пейзаж помогает писателю смягчить, очеловечить страшные события 1917 года. Происходящее вокруг не может изменить сущности истинного художника, всю жизнь посвятившего поискам сочетания «прекрасного и вечного». Бунин широко использует художественные средства. Оригинальна цветовая гамма - «бледно-молочной ночью», «розовые огни», «могильно-темна», «золотые маковки церквей», «сизая даль». Разнообразны эпитеты - «весна окаянная», «дикая музыка», метафоры - «голова горит», «деревцо побледнело», «Москва обесчещенная». Бунин называет Россию «старым домом», солдат - «грабителями». Вожди революции получают множество определений - «жулики», «мерзавцы», «словоблуды».

Критическое отношение к действительности в произведении Бунина направлено, главным образом, против новой власти, которую он называл «кучкой авантюристов, считающих себя политиками» [12,338]. О вождях революции Бунин высказывается неоднократно и безжалостно. Вот начальник, с которым Ивану Алексеевичу приходится непосредственно общаться - комиссар дома. Высокий чин этот человек получил только потому, что был самым молодым и неимущим из квартирантов. Но и теперь, самый скромный и робкий из соседей, он дрожит при одном лишь упоминании революционного трибунала.

Более всего невыносимым было для Бунина насилие над церковью и уничтожение религии: «Большевики стреляли в икону» [12,54]. В записи за 9 февраля 1918 года И. Бунин воспроизводит услышанный им разговор двух женщин, одну из которых он принципиально называет «дамой», а другую - «бабой». «Это для меня вовсе не камень, этот монастырь для меня священный храм...» - говорит «дама». «Баба» ей отвечает: «... Для тебя он священ, а для нас камень и камень!» Если не уяснить этой позиции Бунина, то нельзя будет понять, отчего с такой страстностью пишет он обо всем в своем дневнике. «Русский народ взывает к Богу только в горе великом. Сейчас счастлив - где эта религиозность!» [12,48]. Бунин считался барином, белым. А разве белые не народ? - до сих пор жгуче звучит вопрос писателя. Они тоже народ, давший культуру России, давший лучших представителей. В условиях расколотого общественного сознания «белый» Бунин защищает общечеловеческие нравственные основы. «Народу, революции все прощается, - «все это только эксцессы». А у белых, у которых все отнято, поругано, изнасиловано, убито, - родина, родные колыбели и могилы, матери, отцы, сестры, - “эксцессов”, конечно, быть не должно» [12,344]. Бунин требует единого нравственного суда над «нашими» и «не нашими», что является преступлением для одной стороны, то преступно и для другой.

Бунин отвергал насилие; вслед за Толстым и Достоевским призывал бороться «за вечные, божественные основы человеческого существования». Бунин также сказал: «...все преграды, все заставы божеские и человеческие пали» [12,323]. Он отвергал всякую насильственную попытку перестроить человеческое общество, оценив события октября 1917 года как «кровавое безумие» и «повальное сумасшествие». Это важнейший мотив его книги. Теперь, после всего пережитого в годы сталинизма, особенно хорошо становится понятен великий смысл отстаивания Буниным общечеловеческих ценностей, которые так попирались в «окайные дни»; он предчувствовал будущее, понимал, к чему поведет потеря высшего смысла жизни и расшатанность нравственного состояния общества.

Никакими высокими целями не оправдано убийство, Бунин не может простить его ни конкретным людям, ни партии: «В этом и весь секрет большевиков - убить восприимчивость» [12,322]. Революция обесценила жизнь человека, она стала игрушкой в руках так называемых «революционеров». Ежедневным явлением стали уличные самодуры, поражающие быстротой вынесения приговора и жестокостью. «...Захвачены с поличным два вора. Их немедленно «судили» и приговорили к смертной казни. Сначала убили одного: разбили голову безменом, пропороли вилами бок и мертвого, раздев догола, выбросили на проезжую часть. Потом принялись за другого...». [11,68] «Матрос убил сестру милосердия - “со скуки”» [11,62]. «Какого-то старика полковника живьем зажарили

в паровозной топке», «Большевики в Ростове... расстреляли 600 сестер милосердия». [12,368]. Писатель видит всю эту кровь, всю эту мерзость и не может не реагировать об это: «Потрясло. Ужас, боль, бессильная ярость». Да и что можно сделать с теми, кто говорит: «Стрелять будем, если вы пойдете против нас». И.А. Бунин не скрывает своего страха: «Москва так мерзка, что страшно смотреть», «Арбат по ночам страшен» [11,53,55,58] А самое ужасное для него не это. Он понимает, что от природы жестоких людей все-таки не так уж много. Самое жуткое в людях - безразличие к окружающим, к тому, что творится рядом. И Бунин сам неоднократно почувствовал это «на своей шкуре»: «Меня в конце марта 17 года чуть не убил солдат... Мерзавец солдат прекрасно понял, что он может сделать со мной все, что угодно, совершенно безнаказанно, - толпа, окружавшая нас... оказалась на его стороне» [12,327].

Разговоры о том, что всякая революция сопровождается кровопролитием, не вызывает у писателя решительно никакого сочувствия: «Давеча прочитал про расстрел 26 как-то тупо». Он чувствует, как события с каждым днем меняют его ощущения мира, притупляют его человеческую и художественную чуткость. Поэтому он и «старается ужасаться», заставляет себя разбивать на числа, раскладывать их на единицы человеческих судеб, видеть за каждым слагаемым «искривленное предсмертной судорогой лицо, застывшее выражение ужаса в глазах» [26,141].

Важнейший мотив книги Бунина - отстаивание общечеловеческих ценностей, которые попирались в «окаянные дни». Для И. Бунина революция стала не только «падением России», но и «падением человека», она разлагает его духовно и нравственно. Огромный исторический сдвиг, произошедший в стране, выворачивает гигантские пласты, срезает верхний тонкий культурный слой почвы, приносит невиданные «типы улицы». Писатель бродит по неузнаваемым улицам, вглядывается в лица новых хозяев, чтобы запечатлеть в памяти, донести их до потомков. Для Бунина народ - «это всегда - глаза, рты, звуки голосов,... речь на митинге - все естество произносящего ее» [11,95]. И перед читателем предстают лица, характеры, мысли народные. «Говорит, кричит, заикаясь, со слюной во рту, глаза сквозь криво висящее пенсне кажутся особенно яростными. (...) И меня уверяют, что эта гадюка одержима будто бы "пламенной беззаветной любовью к человеку", "жаждой красоты, добра и справедливости!» [11,103]. Для Бунина этот тип лишь «производное», «пена» во время шторма. Своего классового врага он представляет четко: «Закрою глаза и все вижу как живого: ленты сзади матросской бескозырки, штаны с огромными раструбами, на ногах бальные туфельки от Вейса, зубы крепко сжаты, играет желваками челюстей... Вовек теперь не забуду, в могиле буду переворачиваться!» [11,103].

На протяжении всей книги И.Бунин проводит мысль о том, что история повторяется и в ней есть определенные устойчивые законы, не учитывать которые нельзя. Его размышления с позиции современности являются пророческими.

Чем дальше, тем больше революция воспринималась Буниным как нечто апокалиптическое, дьявольское. В его публицистике появляется «высокая», библейская лексика, все чаще и чаще он обращается к цитатам из Библии.

И. Бунина тревожит настоящее и будущее России. Он не приемлет революцию, так как наблюдает картины жестокости, невежества, хамства, которые вызывают в его душе отвращение и ненависть к тем, кто стоял у ее истоков. Бездна, пустота долгих дней томит и тяготит писателя. Он осознает свою ненужность в этом новом, чуждом ему мире. «...в мире поголовного хама и зверья, мне ничего не нужно...» [11,100]. - так Бунин определяет свою общественную позицию.

Бунин по-иному видит будущее России, исходя, прежде всего, из ее истории. Что ждет Россию в будущем? «Республика, монархия? Вероятнее всего сначала будет какая-нибудь военная диктатура, - дня и часа которой, конечно, не угадаешь - потом что-нибудь вроде «совета десяти» (из железных дельцов, бывших «спецов»)». Впоследствии не

исключена и монархия... Говорить, что к «прошлому возврата нет» могут только люди или хитрющие, или глупые, или не знающие истории России». [16,167].

И. Бунин считает своим гражданским долгом откликнуться на происходящее. Художник обязан говорить правду, какой бы она ни была. Бунин рассказывает об «окаянных днях» в меру своих литературных сил. «А это уже дело людей - слушать или пройти мимо. (...) Каждый из нас отвечает лишь за свою душу и за свои поступки». [25,205]. Он не находит искренности ни в лгущих политиках, ни в тех, кто «оставил церковь и поспешил в театр, ни в фабрично-заводских, ни в денежных мешках» с кровавыми пятнами от сломанных человеческих судеб. Но он знал, что правда есть. По-старинному говоря, Божья правда. По мысли И. Бунина, вера в нее сохранится в сердцах тех миллионов, которые вынуждены были эмигрировать из России.

Заслугой И.А. Бунина является то, что он перемучился всеми муками и болями великого разлома и честно рассказал обо всем, что не поддавался отраве «великого дурмана» и пошел против течения, тянувшего всех в пропасть утопии.

И. Бунину очень больно видеть «падение» России. Самое страшное для него в том, что рушится многовековое, обжитое, а новое никак его недостойно. Кто станет хозяином всего этого «колоссального наследства»? Потому-то и неутомима его тревога, незатухающая его боль. Несправедливо говорить, что его произведение пронизано ненавистью. Да, этот мотив присутствует, но не по отношению к России, а к тем, кто вызвал эту великую Катастрофу. В «Окаянных днях» преобладают скорбь о случившемся, тоска по блаженной Руси, которую он помнил с детства. «Если бы я эту «икону», эту Русь не любил, не видал, из-за чего же я так сходил с ума все эти годы, из-за чего страдал так непрерывно, так люто?» [11,101]. «Это мой Бог и моя душа». Бунин И. Окаянные дни. Воспоминания. Статьи. - М.: Советский писатель, 1990. - С.356. Как достойный потомок русских святых он не отрекся, ни на минуту от своей веры. «Ради самого Иерусалима не отрекусь от Господа!» [11,356].

Бунин стремился осмыслить события 1917-1920 годов в аспекте русской истории, которую новые хозяева не знали, да и не хотели знать, и которую нельзя забывать потомкам. Благо России он мерил «высшей мерой», с позиции человеческой, религиозной. Он мыслил о развитии истинно национальных начал, основанных на ненасилии и культуре.

Художника возмущает жестокость, лживость и низменность нового режима. Он отрицает насилие, террор грабежи, разрушение национального богатства России. Бессмысленное расхищение созданных другими ценностей является фактически отraubлением страны, то есть самих себя.

Идея большевиков все разрушить до основания и построить новое свободное государство не находит отклика в сердце И. Бунина. Они сходятся в том, что такое переустройство не может произойти мгновенно. Бунин считает эту идею утопичной, так как устроители новой жизни не имеют четкого представления, что такое «царство свободы». Можно сказать, что И. Бунин еще в 1918 году четко представлял то, что большевики не принесут ничего хорошего. Все самое доброе, благородное и прекрасное обречено в этом обществе на гибель. Гибель России представляется ему окончательной и бесповоротной. У Бунина отвращение к большевикам носит эстетический характер. В этом проявилась его главная черта - видеть в основе трагизма мира не контраст добра и зла, а контраст красоты и уродства, служить «красоте и правде».

Выводы

Бунин в «Окаянных днях» стремился осмыслить события 1917-1919 годов в аспекте мировой истории, русской и европейской, которую новые хозяева не знали, да и не хотели знать, и которую нельзя забывать потомкам

Слова писателя звучат как предостережение. В своей книге Бунин обращает мысли к людям будущего. Трезвое, реалистическое описание в «Окаянных днях» 1918-1919 годов

приобретает трагически-пророческий смысл. Бунин предостерегает нас от ошибок современной ему действительности, от нового агитирующего мифа, о том, что история, сделав свой виток, возвращается к старому. Ценно то, что И. Бунин с его чувственным восприятием мира и необыкновенным умением передавать увиденное, запечатлел образ России тех дней. Он сделал новый шаг в познании народа, русского национального характера на разломе времен.

В «Окаянных днях» Бунин выступает не только как публицист, но также как художник слова, природа не может оставить его равнодушным. Он записывает в дневнике не только бурные события, но также привлекает его пристальное внимание, сияющее по-весеннему небо, месяц в небе, розовые облака, сугробы - то, что вызывало в нем «тайный восторг какой-то», в чем чувствовалась поэзия, и было опьянение от мира, когда многое так восхищало. Пейзажные зарисовки занимают особое место в дневниковых записях И.А. Бунина. Пейзаж помогает писателю смягчить, очеловечить страшные события 1917 года. Происходящее вокруг не может изменить сущности истинного художника, всю жизнь посвятившего поискам сочетания «прекрасного и вечного». Бунин широко использует художественные средства. Оригинальна цветовая гамма - «бледно-молочной ночью», «розовые огни», «могильно-темна», «золотые маковки церквей», «сизая даль». Разнообразны эпитеты - «весна окаянная», «дикая музыка», метафоры - «голова горит», «деревцо побледнело», «Москва обесчещенная». Бунин называет Россию «старым домом», солдат - «грабителями». Вожди революции получают множество определений - «жулики», «мерзавцы», «словоблуды». Он замечает такие детали, которые в газете были бы неуместны: «дама в пенсне», «молодой офицер», который покраснел, потому что не может заплатить за билет. Эти трогательные подробности очеловечивают грозные и страшные события. Бунин не раз записывает, как он сам остро их переживает, так остро, что испытывает физическую боль.

2.2. Философские раздумья о смысле жизни в романе «Жизнь Арсеньева»

Живя в эмиграции, Бунин жестоко страдал от разлуки с Россией, мрачно убеждал всех и себя самого в ее конце, писал в первые годы раскаленным пером полустатьи, полупамфлеты, полурассказы. Однако почерневшая от горя душа его не переставала украдкой возвращаться в родные места.

Прерванная связь с родиной усилила и обострила память и воображение художника. Лишенный непосредственных впечатлений о русской действительности, Бунин вспоминает свою жизнь мысленно, в «творческом сне», возвращаясь на родину, воскрешая «горький и сладкий сон прошлого».

Среди тем намечалась одна — главная. Бунин искал человека всеобъемлющего, целого — уже готовилась «Жизнь Арсеньева» — этот монолог о России, о ее неповторимой природе, возвращенной в ее недрах культуре, о ее национальной душе.

Это самое крупное произведение писателя и главная книга в его творчестве. Роман «Жизнь Арсеньева» как бы объединил в себе все, о чем писал Бунин. Здесь и лирические картины природы и философская проза, жизнь дворянской усадьбы и повесть о любви. Роман имел огромный успех. Он был сразу переведен на разные языки мира. Имел успех и перевод романа. «Жизнь Арсеньева» - это роман - размышление об ушедшей России, с которой у Бунина связано все творчество и все его мысли. Это не автобиография писателя, как считали многие критики, что приводило Бунина в негодование. Иван Алексеевич утверждал, что «всякое произведение у любого писателя автобиографично в той или иной мере. Если писатель не вкладывает часть своей души, своих мыслей, своего сердца в свою работу, то он не творец...

Правда, и автобиографичность - то надо понимать не как использование своего прошлого в качестве канвы произведения, а, именно, как использование своего, только

мне присущего, видения мира и вызванных в связи с этим своих мыслей, раздумий и переживаний» (14).

“Жизнь Арсеньева” Бунин первоначально назвал «Истоки дней». Писал он ее с 1927 по 1933 год, с перерывами, но готовился к ней очень давно и исподволь – вероятно, тогда, когда почувствовал себя зрелым писателем, которому, как всякому творческому человеку, хочется оставить свой след на земле.

«Во все времена и века, писал он, - с детства до могилы томит каждого из нас неотступное желание говорить о себе — вот бы в слове и хотя бы в малой доле запечатлеть свою жизнь—и вот первое, что должен я засвидетельствовать о своей жизни: это нерасторжимо связанную с нею и полную глубокого значения потребность выразить и продлить себя на земле... Да, Книга моей жизни — книга без всякого начала,.. Но она и без конца, потому что, не понимая своего начала, не чувствуя его, я не понимаю, не чувствую и смерти... Не раз испытал я нечто поистине чудесное. Не раз случалось я возвращаюсь из какого-нибудь далекого путешествия, возвращаюсь в те степи, на те дороги, где я некогда был ребенком, мальчиком,— и вдруг, взглянув кругом, чувствую, что долгих и многих лет, прожитых мною, как не бывало. Я чувствую, что это совсем не воспоминание прошлого: нет, просто я опять прежний, опять в том, же самом отношении к этим полям и дорогам, к этому полевому воздуху, к этому тамбовскому небу, в том же самом восприятии я их и всего мнра, как это было вот здесь, вот на этом проселке в дни моего детства, отрочества... Нет слов передать всю боль и радость этих минут, все горькое счастье, всю печаль и нежность их!.. Не раз чувствовал я себя не только прежним собою — ребенком, отроком, юношей, но и своим отцом, дедом, прадедом, пращуром; в свой срок. кто-то должен будет чувствовать себя — мною...»

[36, 27]

Вот таким настроением был охвачен писатель, когда писал Арсеньева — «книгу своей жизни».

Девятого ноября 1933 года из Стокгольма пришло; известие о присуждении Бунину Нобелевской премий. Ивана Алексеевича выдвигали на премию Нобеля еще в 1923 году, затем снова - в 1926, а с 1930 года его кандидатуру рассматривали ежегодно.

Бунин был первым из русских писателей, получивший Нобелевскую премию. Это было мировое признание таланта Ивана Бунина и русской литературы в целом. Вручение Нобелевской премии происходило 10 декабря 1933 года в Стокгольме. Бунин сказал в интервью, что получил эту премию возможно, за совокупность произведений: "Я думаю, однако, что Шведская академия хотела увенчать мой последний роман "Жизнь Арсеньева". В Нобелевском дипломе, выполненным специально для Бунина в русском стиле, было записано, что премия присуждена "за художественное мастерство, благодаря которому он продолжил традиции русской классики в лирической прозе" (пер. со швед.).

Автобиографическая основа “Жизни Арсеньева” несомненна. Но перед нами, собственно, не воспоминания, а произведение, в котором давние события и факты преобразованы, переосмыслены. Первые детские впечатления и впечатления отрочества, жизнь в усадьбе и учение в гимназии, картины русской природы и быт нищающего дворянства служат лишь канвой для философской и этической концепции Бунина. Автобиографический материал преобразен писателем столь сильно, что книга эта смыкается с рассказами зарубежного цикла, в которых художественно осмысливаются вечные проблемы — жизнь, любовь, смерть.

Интересен этот роман в жанровом отношении, в нем объединено несколько жанров: кроме художественной биографии, «Жизнь Арсеньева» вбирает в себя и мемуары, и лирико-философскую прозу. А пятая же ее часть, кроме всего прочего,— еще и повесть о любви, безусловно, самой характерной для творчества Бунина теме; как по замыслу, так и по воплощению она близка к книге рассказов «Темные аллеи», которую Бунин написал позже.

В известном смысле бунинский роман (вместе с повестью А. Н. Толстого «Детство Никиты», написанной в эмиграции в 1920—1922 годах) замыкает цикл художественных автобиографий из жизни русского помещичьего дворянства, включающий в себя такие классические произведения, как «Семейная хроника» и «Детские годы Багрова-внука» С. Т. Аксакова, «Детство», «Отрочество», «Юностью Л. Н. Толстого», «Пошехонская старина» М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Главное в романе — расцвет личности человека. Перед нами исповедь большого художника, воссоздание им с величайшей подробностью той обстановки, в которой проявились самые ранние его творческие импульсы. «Жизнь Арсеньева» носит итоговый характер, обобщает события и явления почти полувековой давности. Выделяется роман в ряду поздних произведений Бунина чувством полного торжества любви над смертью.

«Жизнь Арсеньева» — главная книга Бунина, главная потому, что она при своем небольшом объеме, как бы собрала все написанное им до нее.

Роман состоит из пяти частей, а герой — Алексей Арсеньев — доведен до двадцатилетия. Как ни убеждали Ивана Алексеевича продолжить книгу, больше он к ней не вернулся...

Пять книг «Жизни Арсеньева» — это пять этапов, пять вех этой духовной работы, происходящей в герое. Дом, родители; окружающая природа; первая увиденная смерть; общение с Баскаковым; религия; чтение Пушкина и Гоголя; преклонение перед братом Георгием; казенщина и серость гимназии; первые влюбленности; стремление познать мир и первые путешествия. И уже со школьных лет (а может быть, и еще раньше?) смутное желание выразить. Арсеньеву хочется «что-нибудь выдумать и рассказать в стихах», «понять и выразить что-то происходящее» в нем самом. Это неопределенное «что-то» Бунин много позже, из дали прошедших десятилетий, вкладывает в уста совсем еще мальчика (Арсеньев всего в третьем классе гимназии):

«...Как ни грустно в этом непонятном мире, он все же прекрасен и нам все-таки страстно хочется быть счастливыми и любить друг друга» (14,52,).

Некоторые современники рассматривали «Жизнь Арсеньева» как биографию самого автора. Однако, следует заметить, что самого Ивана Алексеевича это приводило в негодование. Он утверждал, что его книга автобиографична лишь по-стольку, поскольку автобиографично всякое вообще художественное произведение, в которое автор непременно вкладывает себя, часть своей души [37,153]. Сам же он именовал «Жизнь Арсеньева» автобиографией вымышленного лица. Справедливо утверждая, что целиком «жизнь человеческую написать нельзя», Бунин перед началом очередной части своей книги каждый раз останавливался перед проблемой отбора самого важного. Он писал свою книгу, сжимая время, соединяя несколько лет в один год. Это уплотнение времени писатель осуществил не только в том отношении, что соединял события, происшедшие в разное время. Главное было в том, что спрессовывались, сливались внутренние, душевные переживания героя, который очень быстро вырос. Проще же говоря: по интенсивности чувств и мыслей «арсеньевский» год — это несколько «бунинских» лет, а сам Алексей Арсеньев — как бы «сконцентрированный» автор, в главных чертах его личности. Но это еще не все. Бунин наделил Арсеньева в первую очередь чертами художника, поэта. Потому что, как известно, сам Бунин считал себя всю жизнь главным образом лирическим поэтом и уже потом — прозаиком. И понятно, что замысел книги об Алексее Арсеньеве был именно замысел написать «жизнь артиста» — поэта, в чьей душе уже с детства переплавляются «все впечатленья бытия», чтобы впоследствии быть претворенными в слове.

Таким образом, действительно «Жизнь Арсеньева», с одной стороны, — автобиография вымышленного лица, некоего собирательного «рожденного стихотворца», а не просто Ивана Алексеевича Бунина. С другой же стороны, эта книга — самая откровенная, лирическая и исповедальная из бунинских творений. В этом ее диалектика, слияние в ней реальности и вымысла или, если перефразировать слова Гёте, слияние

правды и поэзии (Гёте так и назвал книгу об «истоках» своих дней: «Поэзия и правда»). Отсюда и двуплановость книги; постоянное присутствие автора, прошедшего уже длинный жизненный путь, его теперешняя точка зрения, его сегодняшнее мироощущение, как бы вливающееся в то, давнее; взаимопроникновение былого и настоящего. Возврат шестидесятилетнего человека в собственное детство и юность — и тут же «скачок» в сегодняшний день, в собственную старость. Растворение в прошлом, а вслед — его воссоздание из далека прошедших десятилетий. Все это создает некий льющийся «поток сознания», выраженный в такой же текучей, непрерывающейся, неспешной и плавной, с длинными периодами, лирической прозе; в нее легко погрузиться, но из нее трудно выйти: она влечет за собой, и убыстрить путь в ней невозможно; читая, нельзя пропустить ни слова, иначе рассыплется целое, нарушится слиянность настоящего и прошлого, запечатленная в этом речевом потоке.

Герой «Жизни Арсеньева», как уже было сказано, — «сконцентрированный» автор. Фактически, это тот Бунин, у которого детство, отрочество и юность сложились столь благоприятно и гармонично, что он, не потеряв ни часа драгоценного времени, только и занимался тем, что вырос, мужал, набирал духовные силы. В действительности было совсем иначе. Бунин горько сетовал, вспоминая, как убого, плохо он прожил столько лет, что у него совершенно пропали самые лучшие, самые нежные годы.

Но «Жизнь Арсеньева» не просто лирический дневник далеких, безвозвратно отошедших дней. Первые детские впечатления и впечатления отрочества, жизнь в усадьбе и учеба в гимназии, картины русской природы и быт нищающего дворянства служат лишь канвой для философской, религиозной и этической концепции Бунина. Автобиографический материал преобразован писателем столь сильно, что книга эта смыкается с рассказами того цикла, в которых художественно осмысляются вечные проблемы — жизнь, любовь, смерть. А если вспомнить, что писался бунинский роман в 20-х и 30-х годах XX века, станет более понятен полемический и как бы устремленный поверх современности, в завтрашний день смысл многих авторских отступлений и комментариев.

Размышляя о той национальной гордости, какая от века присуща русскому человеку, Бунин вопрошает: «Куда она девалась позже, когда Россия гибла? Как не отстояли мы всего того, что так гордо называли мы русским, в силе и правде чего мы, казалось, были так уверены?» Настойчиво повторяя мысль о «конце» России, «погибшей на наших глазах в такой волшебной краткий срок», он всем художественным строем романа опровергает собственный мрачный вывод. Усадьба, полевое раздолье, старый русский уездный городок (где гимназист Алексей Арсеньев живет «на хлебах» у мещанина Ростовцева), дни великопостной учебы, постоянные дворы, трактиры, цирк, городской сад, напоенный тонким запахом цветов, которые назывались просто «табак», Крым, Харьков, Орел, Полтава, Москва-первопрестольная — из множества миниатюр складывается огромная мозаичная картина России. Любовь к родной стране, преклонение перед ней звучит и в словах отца героя Александра Сергеевича (которому совсем не случайно Бунин дал имя и отчество Пушкина), и в переживаниях сурового Ростовцева, который, слушая стихи Никитина «Под большим шатром голубых небес...», «только сжимал челюсти и бледнел».

А какие пейзажи возникают на страницах «Жизни Арсеньева», как чувствует и откликается писатель на малейшее движение в жизни природы! По Бунину, эта черта тоже национальная: «первобытно подвержен русский человек природным влияниям». Описания природы в романе таковы, что многие отрывки просятся в хрестоматию, пленяют звучностью и благородством языка. Характерно, что природа и человек у Бунина неотделимы: человек растворен в природе. Конец отрочества и начало юности Арсеньева, с первым цветением любви и первым посещением его музой, переданы с помощью развернутой параллели: «Удивителен весенний расцвет дерева. А как он удивителен, если весна дружная, счастливая! Тогда то незримое, что неустанно идет в

нем, проявляется, делается зримым особенно чудесно. Взглянув на дерево однажды утром, поражаешься обилию почек, покрывших его за ночь. А еще через некий срок внезапно лопаются почки — и черный узор сучьев сразу осыпают несметные ярко-зеленые мушки. А там надвигается первая туча, гремит первый гром, свергается первый теплый ливень — и опять, еще раз совершается диво: дерево стало уже так темно, так пышно... Нечто подобное произошло и со мной в то время» (14,156).

«Жизнь Арсеньева» посвящена путешествию души юного героя, необыкновенно свежо и остро воспринимающего мир. Главное в романе — расцвет человеческой личности, расширение ее до тех пределов, пока она не оказывается способной вобрать в себя огромное количество впечатлений. Перед нами исповедь большого художника, воссоздание им с величайшей подробностью той обстановки, где впервые проявились его самые ранние творческие импульсы. У Арсеньева обострена чуткость ко всему — «зрение у меня было такое, что я видел все семь звезд в Плеядах, слухом за версту слышал свист суслика в вечернем поле, пьянел, обоняя запах ландыша или старой книги».

Роман явил стремление автора как можно полнее выразить, самоутвердить себя в слове, передать, как сказал сам Бунин по другому поводу, «что-то необыкновенно простое и в то же время необыкновенно сложное, то глубокое, чудесное, невыразимое, что есть в жизни и во мне самом и о чем никогда не пишут, как следует в книгах».

Новое в «Жизни Арсеньева» проявляется уже в самом жанре произведения, которое строится как свободный лирико-философский монолог, где нет привычных героев, где даже невозможно выделить сюжет в обычном понимании этого слова. Здесь сказалось давнее желание писателя миновать, преодолеть устоявшиеся каноны, все с той же целью преодоления конца и смерти (в чем опять-таки, быть может, проявилась неосознанная полемика с собственными представлениями о «конце»).

Страстное и глубокое чувство пронизывает последнюю, пятую книгу романа — «Лица». В основу ее легли переживания самого Бунина, его юношеская любовь к В. В. Пашенко. И здесь, среди других его эмигрантских произведений, «Жизнь Арсеньева» как раз выделяется торжеством любви над смертью. В самом начале эмиграции Бунин уже возвращался к воспоминаниям своей юношеской, несчастливой любви. Но каким был тогда его итог?

Время уничтожило все — страсть, любовь, ревность, соперничество. Героям остается пожелать друг другу покойной ночи. Слово «покойной», как стук гвоздя в крышку гроба, завершает рассказ. В «Жизни Арсеньева» этот взгляд опровергается: время бессильно убить подлинное чувство. «Недавно я видел ее во сне — единственный раз за всю свою долгую жизнь без нее. Ей было столько же лет, как тогда, в пору нашей общей жизни и общей молодости, но в лице ее уже была прелесть увядшей красоты. Она была худа, на ней было что-то похожее на траур. Я видел ее смутно, но с такой силой любви, радости, с такой телесной и душевной близостью, которой не испытывал ни к кому никогда» — так заканчивается «Жизнь Арсеньева» (14,318). Вспоминается фраза из чернового наброска к роману: «Жизнь, может быть, дается нам единственно для состязания со смертью...»

В романе смерть и забвение отступают перед силой любви, перед обостренным чувством — героя и автора — жизни.

В центре романа — личность, показанная в процессе непрерывного становления, внутреннего духовного обогащения. Это необычный рядовой человек, а художественно одаренная личность. Неторопливо и внимательно прослеживает Бунин историю духовного созревания Алексея Арсеньева.

Первая книга романа — период самого раннего детства. Сначала — отдельные зрительные впечатления: «пустынные поля, одинокая усадьба среди них... Зимой безграничное снежное море, летом — море хлебов, трав, цветов... И вечная тишина этих полей, их загадочное молчанье...» (14,58).

Сознание маленького Алеши еще одиноко, не воспринимает ни людей, ни звуков, ни запахов.

“Где были люди в это время? Но они все же были, какая-то жизнь все же шла... Почему же остались в моей памяти только минуты полного одиночества?” (14,62).

Чарующий мир захватывает мальчика. “Ах, какая томная красота! Сесть бы на это облако и плыть, плыть по нему в этой жуткой высоте... в близости с богом и белокрылыми ангелами...”(14,65).

И вот в поле зрения появляются люди, животные, события, которые всплывают в памяти: поездка в город. Он поразил мальчика количеством и громадностью домов, блеском стекол и вывесок, гулом колоколов, жутким видением мрачной тюрьмы на окраине.

“...город гордился своею древностью и имел на это право.

...во времена княжеств Владимирского-Рязанского принадлежал к тем важнейшим оплотам Руси, что, по слову летописцев, первые вдыхали бурю, пыль и хлад из-под грозных азиатских туч” (14,70).

Каждое слово в этом отрывке доставляет наслаждение своею простотой, точностью, образностью. Чего стоят только одни слова о том, что эти “древние города вдыхали бурю и свист караульных, грохот колотушек по чугунным доскам, призыв всех на городские валы”.

Новизна “Жизни Арсеньева” еще и в том, что ни в одной из бунинских вещей не раскрыто с такой простотой то явление, которое мы называем “внутренним миром” человека. Все, о чем говорит автор, слышно, осязаемо и надолго радует или печалит нас. Вот первая встреча мальчика с городом и две “великих радости”: покупка ваксы и сапожек “с красным сафьяновым ободком на голенищах...” С каким блаженным чувством, как сладострастно касался я и этого сафьяна, и этой упругой, гибкой ременной плеточки!”

Незаметно и постепенно вступает герой в жизнь сознательную. Мир расширяется, обогащается новыми впечатлениями. Здесь и радость первооткрытия и горечь от первых переживаний: гибель Сеньки, упавшего вместе с лошадыю в страшный и таинственный “провал” на дне оврага, смерть маленькой сестреники Нади. Пробуждается воображение под воздействием сказок матери и особенно бесед с домашним учителем Баскаковым, странным, неуживчивым и талантливим человеком, научившим ребенка читать и писать, полюбить Пушкина, Лермонтова, Гоголя. Нельзя читать без душевного потрясения строки о матери:

“В далекой родной земле, одинокая, навеки всем миром забытая, да покоится она в мире и да будет во веки благословенно ее бесценное имя” (14,89).

Сила языка Бунина такова, что рождает грусть, волнение и слезы.

Вторая книга посвящена гимназическим годам Алексея Арсеньева. Детально и красочно воссоздается оживленная жизнь уездного города. Фигуры мужиков, выгодно продавших зерно, довольных купцов и перекупщиков, поживившихся на этой торговле, многолюдные гуляния, торжественные богослужения. А вот унылые, грязные окраины, “где шумно работает, курит, сквернословит какой-то страшный род людей”, не привлекает его внимания, и грубый рабочий люд сливается для него в нечто безликое, неразлично грязное, страшное.

Великолепно дана фигура уездного перекупщика Ростовцева, у которого живет на квартире гимназист Алеша Арсеньев. Прочные, раз и навсегда заведенные порядки семейной жизни несут в себе некую основательность, образуют те устои, на которых держится Россия.

Позже Бунин будет весьма критически оценивать деятельность новоявленных купцов и капиталистов, и здесь фигура Ростовцева дана с явной симпатией. В юном Арсеньеве пробуждается чувство национального сознания и гордости русским своим происхождением, принадлежности к русскому, российскому. Самодовольство и гордость

купца Ростовцева кажутся Бунину “знамением времени” и представляются ему теперь “вообще характерными для тогдашних русских чувств”.

На переломе от отрочества к юности, в жизни Алексея Арсеньева произошло “огромное событие”: арест брата Георгия за участие в деятельности народовольцев. В дворянской семье Арсеньевых оно было воспринято как “великий позор и ужас”. Страдания отца и особенно матери, эпизоды прощания на вокзале стали настоящим потрясением: “Весь мир опустел, стал огромным, бессмысленным” (14,102).

Так в романе возникает тема революции и революционеров, и Бунин вступает в спор с историей, ясно и прямо выражая свое полное неприятие русской революционной мысли, начиная с декабризма.

Герой пытается разобраться самостоятельно в этих событиях и живет теперь “не одними чувствами”. “Это было уже начало юности, время удивительное”.

Перелом в жизни героя сравнивается с весенним расцветом дерева и потребностью излить свои переживания в несовершенных образах и ритмах. “И что с того, что я ни единым словом не умел их передать!”

С темой творчества возникают на страницах романа вечные для Бунина мотивы любви, смерти и сквозная тема природы. Все они сплетаются, развиваясь далее в непрерывном единстве.

Тема природы, удивительной ее красоты пронизывает всю третью книгу романа. Русский пейзаж с его мягкостью, застенчивыми веснами, с его невзрачностью, которая оборачивается тихой печальной красотой, наполняет страницы книги. “Миновали глинистый труд, жарко и скучно блестящий своей удлиненной поверхностью в лощине среди выбитых скотиной косогоров. На них кое-где как-то бесприютно на гору в раздумье, сидели грачи” (14).

А вот описание зимы:

“Помню крещенские морозы, наводившие мысль на глубокую древнюю Русь, на те стужи, от которых “земля на сажень трескалась”, тогда над белоснежным городом, совершенно потонувшем в сугробах, по ночам грозно горело на черно- вороненом небе белое созвездие Ориона”...(14). Это великолепные места в романе!

Природа и человек слиты неразрывно. “Нет никакой отдельной от нас природы. Каждое малейшее движение воздуха есть движение нашей собственной жизни”.

Пятая книга — самая важная часть «Жизни Арсеньева». В ней по сравнению с предыдущими частями автор особенно сильно «сконцентрировал» себя в герое: в Алексее Арсеньеве — лирическом поэте. Развитие в Арсеньеве художника показано через главное событие его юности: любовь к Лике («Лика» — так первоначально называлась пятая часть).

В последней, пятой книге романа на первый план выходит тема любви. Она была всегда у Бунина драматична и даже трагична. Человек неизбежно обречен на одиночество. Полное взаимопонимание людей невозможно. Только любовь дает великое счастье взаимопонимания двух душ, но это счастье мимолетно и катастрофически кратко, — так считал писатель.

В романе эта тема раскрыта и мотивирована подробно. В истории любви Алексея Арсеньева и Лики отразилось когда-то пережитое Буниным самое сильное в его жизни, самое жгучее чувство к В.В. Пащенко.

Любовь Арсеньева и Лики в первых главах: пылкое, горячее чувство Арсеньева — и неустойчивое, переменчивое отношение Лики, которая плохо понимала его, была невнимательна и от равнодушия переходила к внезапным проявлениям нежности, — во многом автобиографичны. Здесь Лика близка к тому типу женщин, не умеющих и не научившихся любить, который впервые был назван в «Снах Чанга», выведен в «Митиной любви» и «Деле корнета Елагина», позже — в рассказе «Чистый понедельник». Прообразом этого типа, несомненно, была В.В. Пащенко. Она первая объяснилась Бунину

в любви, однако в своем чувстве к нему никогда не была уверена и упрекала его в том, что он недостаточно ее любит; на его письма отвечала редко и неохотно и, наконец, бессильная разобраться в путанице чувств, оставила его и ушла к другому человеку.

Арсеньев в первых главах весь поглощен любовью к Лике. Талант будущего поэта пока еще не проявился в нем с достаточной силой, и Арсенев живет только своей любовью. Так было и с Буниным. Он был близок к самоубийству, когда Варвара Владимировна покинула его; он продолжал мучиться, хотел «стереть с лица земли все эти проклятые воспоминания, которые терзают меня этой проклятой любовью», - и затем переходил к взрывам нежности, к минутам, «когда из тайников сердца поднялось что-то невыразимое, нежное, отзвук моей безумной любви к тебе».

У Арсенева было иначе. Начиная с одиннадцатой главы, воссоздание уступает место преображению; очень сильному «сгущению» внутренних событий в жизни героя; происходит очень быстрое его взросление.

Расставшись на время с Ликой (в тот момент ему не более восемнадцати лет), он целиком уходит в свой внутренний мир. Бунин опускает тяжелые годы своей жизни, годы нужды, случайной и неинтересной работы, душевной депрессии. Арсенев как бы перешагивает весь этот период. Оставшись наедине с самим собой, он весь отдается борьбе с «неосуществимостью»: с тем, что он стремится выразить в слове и что пока не удается ему. Эта борьба за самое главное счастье — научиться «образовать в себе из даваемого жизнью нечто истинно достойное писания» — заслоняет все другие чувства и стремления. И вот в один прекрасный день на место душевных терзаний и мучительных поисков приходит озарение: спокойствие и очень простое решение: «без всяких притязаний, кое-что вкратце записывать — всякие мысли, чувства, наблюдения. Так рождается художник-лирик, поэт, который должен писать обо всем, что наблюдает и чувствует».

Ощущения Арсенева автобиографичны (хотя, конечно, сдвинуты во времени). Бунин, мы знаем, всегда считал, что таланту нельзя давать лениться, надо его все время развивать, не давать себе остановки, работать, не позволять распускаться при мыслях о том, что писать якобы не о чем. Настоящий художник всегда найдет, о чем сказать.

В эту пору творческого пробуждения у Арсенева изменился характер: он стал мужественнее, проще, добрее, спокойнее. Таким преображенным застала его после разлуки Лика — и тут они как бы поменялись ролями. «Теперь уже я (как прежде, в Орле, она) хотел быть любимым и любить, оставаясь свободным и во всем первенствующим». Это произошло потому, что Арсенев нашел свою жизненную цель и опору в творчестве; остальное было второстепенно по сравнению с главным: с его творческой свободой, которая для него непременно включала в себя и его право увлекаться другими женщинами («я поэт, художник, а всякое искусство, по словам Гёте, чувственно»). И, продолжая любить Лику, но теперь уже иначе, Арсенев, вполне в духе позднего Бунина, говорит о том, умение. «Неужели и впрямь мы сошлись навсегда и так вот и будем жить до самой старости, будем, как все, иметь дом, детей?» Впрочем, такое настроение не было новым для Арсенева. Когда еще в детстве старший брат Николай шутливо стал рисовать ему его будущее: «Когда подрастешь, будешь служить, женишься, заведешь детей» и так далее, Алеша «вдруг так живо почувствовал весь ужас и всю низость подобного будущего, что разрыдался». У Лики же ничего, кроме ее любви, не было в жизни, а она полюбила Арсенева по-настоящему, и ей хотелось, чтобы он жил только ею. Но этого он теперь и не мог. И поскольку Лика, несмотря на то, что тоже во многом изменилась за эти годы, все-таки не была рождена спутницей художника, которая могла бы раствориться в нем, в его жизни, в его интересах, — то постепенно их любовь стала сходиться на нет. Бунин показывает неизбежность такого конца: Лика не смогла в конечном счете полюбить Арсенева так, как нужно было ему, для него, а не для себя, ушла от него и вскоре умерла.

Так умерла любовь Арсеньева, оставшись в то же время навсегда в нем, с ним — в виде Памяти, неоскудевающего источника всякого творчества. И заключительной нотой звучит на последней странице «Жизни Арсеньева» голос писателя, перекликаясь со словами, написанными около пятидесяти лет назад в письме к В. В. Пащенко: «Так нежно и хорошо я любил тебя, что лучшие минуты этого чувства останутся для меня самыми благородными и чистыми ощущениями во всей жизни».

Весь анализ отношений Лики и Алексея построен на исследовании их характеров, психологическом противоборстве, которое привело к трагическому концу.

На последних страницах романа звучат горестные сожаления, грустные раздумья о жизни. Память художника, его волшебное перо дало ему вторую жизнь, отлив навеки в слове и образе то, что было, прошло, минуло. Это дорого стоит ему. Недаром Бунин пишет в конце романа:

“Воспоминания – нечто столь тяжкое, страшное, что существует даже особая молитва о спасении от них” (14).

“Жизнь Арсеньева” – одно из замечательнейших явлений мировой литературы. В этой книге поэзия и проза слились воедино, создав новый удивительный жанр.

Мне возвращен был кров родимый,
Дарован мир степной глуши,
Привычный быт и круг любимый
И жар восторженной души... (13,81)

Выводы

«Жизнь Арсеньева» — главная книга Бунина, главная потому, что она, при своем невеликом объеме, как бы обняла собою все написанное им до нее.

"Жизнь Арсеньева" - это роман - размышление об ушедшей России, с которой у Бунина связано все творчество и все его мысли.

Новое в «Жизни Арсеньева» проявляется уже в самом жанре произведения, которое строится как свободный лирико-философский монолог, где нет привычных героев, где даже невозможно выделить сюжет в обычном понимании этого слова.

Новизна “Жизни Арсеньева” еще и в том, что ни в одной из бунинских вещей не раскрыто с такой простотой то явление, которое мы называем “внутренним миром” человека. Все, о чем говорит автор, слышно, осязаемо.

Роман представляет собою лирическую исповедь героя, повествование о формировании личности художника “от истока дней”, через восторги и муки первой любви, радости творчества к осознанию невозвратимости ушедшего. Бунинский роман традиционен своей автобиографической заданностью, что подчеркнуто самим писателем, но в то же время существенно отличается по своей структуре и настроению от автобиографических произведений С. Аксакова или Л. Толстого.

В основе романа - созерцание и переживание памятных мгновений жизни, своего прошлого, своего духовного мира, какими они видятся автору сегодня. В этой книге слились воедино проза и поэзия, эпическое повествование о России и лирика, создав некий новый жанр “лирической эпопеи”. И хотя лейтмотив романа - тема утрат, однако, в отличие от других произведений Бунина той поры, он лишён трагической тональности. В нём прозвучала страстная убежденность писателя в силе и власти любви над смертью.

Критическое отношение к действительности в произведении «Окаянные дни» Бунина направлено, главным образом, против новой власти, которую он называл «кучкой авантюристов, считающих себя политиками».

Глава III. Идеино-художественные особенности изображения темы любви в творчестве И.А. Бунина

3.1. Трагические мотивы в произведениях о любви

Бунин – уникальная творческая личность в истории русской литературы конца XIX – первой половины XX века. Его гениальный талант, мастерство поэта и прозаика, ставшее классическим, поражало его современников и покоряет нас, ныне живущих. В его произведениях сохранен настоящий русский литературный язык, который сейчас утерян.

Большое место в творчестве Бунина в эмиграции занимают произведения о любви. Писателя всегда волновала тайна этого сильнейшего из человеческих чувств. В 1924 г. Он пишет повесть “Митина любовь”, в следующем году – “Дело Корнета Елагина” и “Солнечный удар”. А в конце 30-х и во время Второй мировой войны (с 1937 по 1945 год) Бунин работал над рассказами, которые собрал в книгу под названием «Темные аллеи».

Бунин создает 38 небольших рассказов о любви, которые составили его книгу “Темные аллеи”, вышедшую в 1946 г. Эту книгу Бунин считал своим “наилучшим произведением в смысле сжатости, живописи и литературного мастерства”.

Любовь в изображении Бунина поражает не только силой художественной изобразительности, но и своей подчиненностью каким-то внутренним, неведомым человеку законам. Нечасто прорываются они на поверхность: большинство людей не испытывают их рокового воздействия до конца своих дней. Такое изображение любви неожиданно придает трезвому, “беспощадному” бунинскому таланту романтический отсвет. Близость любви и смерти, их сопряженность были для Бунина фактами очевидными, никогда не подлежали сомнению. Однако катастрофичность бытия, непрочность человеческих отношений и самого существования – все эти излюбленные бунинские темы после гигантских социальных катаклизмов, потрясших Россию, наполнились новым грозным значением, как это, например, видно в рассказе “Митина любовь”.

”Любовь прекрасна” и ”Любовь обречена” – эти понятия, окончательно совместившись, совпали, неся в глубине, в зерне каждого рассказа личное горе Бунина-эмигранта.

Любовная лирика Бунина не велика количественно. Она отражает смятенные думы и чувства поэта о тайне любви... Один из основных мотивов любовной лирики – одиночество, недостижимость или невозможность счастья. Например,

“Как светла, как нарядна весна!..”, “Спокойный взор, подобный взору лани...”, “В поздний час мы были с нею в поле...”, “Одиночество”, “Печаль ресниц, сияющих и черных...” и др.

Любовная лирика Бунина – страстная, чувственная, насыщенная жаждой любви и всегда исполнена трагизма, несбывшихся надежд, воспоминаний о былой юности и ушедшей любви.

И.А. Бунин имеет очень своеобразный, отличающий его от многих других писателей того времени взгляд на любовные отношения.

В русской классической литературе того времени тема любви всегда занимала важное место, причем предпочтение отдавалось духовной, «платонической» любви перед чувственностью, плотской, физической страстью, которая зачастую развенчивалась. Чистота тургеневских женщин стала нарицательной. Русская литература – это литература преимущественно «первой любви».

Образ любви в творчестве Бунина – это особый синтез духа и плоти. Дух по Бунину невозможно постичь, не познав плоти. И. Бунин отстаивал в своих произведениях чистое отношение к плотскому и телесному. У него не было понятия женского греха, как в «Анне Карениной», «Войне и мире», «Крейцеровой сонате» Л.Н. Толстого, не было настороженного, неприязненного отношения к женскому началу, свойственного Н.В. Гоголю, но не было и опошления любви. Его любовь – это земная радость, загадочное влечение одного пола к другому.

Теме любви и смерти (часто у Бунина соприкасающихся) посвящены произведения – “Грамматика любви”, “Легкое дыхание”, “Митина любовь”, “Кавказ”, “В Париже”, “Галя Ганская”, “Генрих”, “Натали”, “Холодная осень” и др. Давно и очень верно замечено, что любовь в творчестве Бунина трагедийна. Писатель пытается разгадать тайну любви и

тайну смерти, почему они часто соприкасаются в жизни, в чем смысл этого. Почему дворянин Хвоцинский сходит с ума после смерти своей возлюбленной – крестьянки Лушки и потом чуть ли не обожествляет ее образ (“Грамматика любви”). Почему погибает, только начав расцветать, юная гимназистка Оля Мещерская, обладающая, как ей казалось, удивительным даром “легкого дыхания”? Автор не отвечает на эти вопросы, но своими произведениями дает понять, что в этом есть определенный смысл человеческой земной жизни.

“Вечные темы”, звучавшие в раннем творчестве писателя, размышления о смысле бытия, о любви и смерти связываются теперь, а с годами всё более и более, с мыслью о России, отошедшей для него в область воспоминаний. Бунин-художник теперь в прошлом, в усадьбах, которых уж нет, в провинциальных русских городках. Но старые темы и само прошлое преображаются в его творчестве новым душевным состоянием - ощущением какой-то трагической сопряженности своей судьбы и судьбы России.

Самыми “прочувствованными” книгами Бунина 20-30-х годов были сборники рассказов “Митина любовь” (1925), “Солнечный удар” (1927), роман “Жизнь Арсеньева” (1927-1933) и книга новелл о любви “Тёмные аллеи” (1943), которую он сам считал своей “самой лучшей книгой в смысле сжатости, живости и вообще литературного мастерства”. (Это 38 новелл, дышащих страстью и страданием. Гёте говорил: “Новелла - новое, невиданное происшествие”.)

История написания повести позволяет увидеть, как протекало движение авторской мысли от частного к общему. Сначала Бунина заинтересовали воспоминания племянника Николая Алексеевича Пушешникова о своем отрочестве. В первом варианте речь шла о «падении» юного барчука, вступившего в связь с крестьянкой под влиянием уговоров старосты. В процессе создания повести Бунин ощутил необходимость соотносить этот характерный для дворянских усадеб и вместе с тем «проходной» эпизод с тем, что поистине определяет мироощущение каждого — с

подлинной любовью. Так зародилась линия Митя — Кагя. Расширяясь и углубляясь, эта линия потеснила в их романе бытовой, деревенский и городской, материал. Бунин написал самостоятельное произведение — «Дождь» — о состоянии героя, непосредственно предшествующем самоубийству. А затем включил рассказ в повесть. Небольшое повествование, поначалу очень конкретное по замыслу, постепенно переросло в воссоздание трагических потрясений молодой жизни. «Вовеки одинаковое» вдруг ожило в сокровенном человеческой души.

В «Митиной любви», пожалуй, впервые Бунин раскрыл последовательно развивающийся процесс духовного бытия героя. Не «наплывы» раздумий Кузьмы Красова, не «крупные кадры» сомнений капитана в «Снах Чанга», а именно процесс, протекающий тоже в небывало для писателя «населенной атмосфере». Действующих лиц немало, и все они на редкость зримы в своем поведении и психологии. Окружающая обстановка — не менее определена. Как бы прощаясь с прошлым писатель любовно воспроизводит московские улицы, с большей теплотой — деревенский колорит. Перед нами — история любви во всей ее достоверности. Не случайно повесть сразу ее выхода в свет сопоставили с произведениями Тургенева и Л. Толстого. Что же — возврат к традиционным формам повествования? Нет, далеко не так. Бунин руководствовался своими творческими целями и пришел к оригинальной структуре произведения.

Не разрушая естественного течения событий, при полной сосредоточенности на судьбе своего героя автор предельно сгущает некоторые мотивы. Они-то и помогают увидеть «внутреннюю» тему повести, сложную, противоречивую при всей внешней простоте. Катя закружилась в фальшивой атмосфере богемы и изменила Мите. Его муки, усиливающиеся день ото дня, завершаются самоубийством. Страдания героя и составляют содержание произведения. Но в постоянных Митиных думах о девушке автор увидел несколько «направлений».

Чуть ли не с первой страницы повествования Митя связывает чувства к Кате с давнишней своей мечтой. Он «оказывается в том сказочном мире любви, которого он втайне ждал с детства, с отрочества». Много позже, когда герой, уехав из Москвы, живет дома, в поместье матери, эта мысль, повторяясь, углубляется. Теперь Митя подробно вспоминает свои «смутные предчувствия в сердце», то, «чего втайне ждало все его существо с детства, с отрочества». И особенно — одну весну, которая, представлялось тогда «была его первой настоящей любовью, днями сплошной влюбленности в кого-то и во что-то» (37,133). Вот важный акцент! Жизнь и любовь сближены, даже тесно переплетены. Но только ли от лица героя? Такой вопрос кажется праздным: ведь Митя говорит о себе. Однако писатель всемерно усиливает этот мотив.

По воле автора Митю окружают люди и явления, подтверждающие его ощущения. Катина мать, наблюдая приступы ревности поклонника ее дочери, с ласковой улыбкой советует ему: «Живите-ка смеясь!» Приятель Мити Протасов цинично приводит тех животных, которые платят жизнью за любовь. А после разговора с Протасовым Митя слышит страстный напев романса А. Рубинштейна на слова Г. Гейне: Я из рода бедных Азров, Полубив, мы умираем! (37,133) . Атмосфера электризуется.

Душевное состояние героя созвучно живой, земной природе. Автор придаёт особое значение этим переживаниям Мити. «Мир опять был преображен, опять полон чем-то как будто посторонним, ... дивно сливающимся с радостью и молодостью весны. И это постороннее была Катя...» Любовь не уподоблена весне, а уравнена с нею. Уравнена не единожды, а постоянно, пока существовала вера в юноши. «Он выходил в поле: еще пусто, серо было в поле. И все это была нагота молодости, пора ожидания — и была Катя». Сказать убежденнее и ярче о единстве жизни и любви вряд ли возможно. Но писатель продолжает тему:

Сначала средствами антитезы. Как только Митя убедился, что молчание Кати не случайно, «он перестал следить за всеми те переменами, что совершалось вокруг него

наступающее лето. Перестал замечать и близких, реагировать на окружающее. Это было уже как пресечение жизни, шаг к смерти. Такое состояние героя автор детально прослеживает. Между тем точка еще поставлена.

Уже после первой, пока импульсивной мысли Мити: «Застрелюсь!», он вдруг чувствует Катю в ряду своей семьи. «Катя! (...) то веселое, игривое, что было в трезвоне колоколов, тоже играло красотой, изяществом ее образа, дедовские обои требовали, чтобы она разделила с Митей всю эту родную деревенскую старину, ту жизнь, в которой жили и умирали здесь, в этой усадьбе, в этом доме, его отцы и деды». (37,134) Круг бытия замкнулся: от первой детской мечты, через слияние со всем миром, к продолжению его жизни - такова поступь любви.

Если бы художник этой темой ограничил свою повесть, она и тогда заняла бы достойное место в литературе. Но Бунин внес в произведение острый драматизм. Перебивая светлую тему, следуя за ней мрачной тенью, вступает вторая. Сначала она читается в двойственном восприятии: одна Катя — нужная, близкая, другая — «подлинная, обыкновенная, мучительно не совпадающая с первой». Затем временами та же мысль нарастает в противоположных чувствах героя: обострена близость к Кате, гордость ею и — злая враждебность к ней ощущение «болезненной несчастности» и — столь же «болезненного счастья». Пока, наконец, сам писатель не подведет печальную черту: это была Катя «или, вернее, то прелестнейшее в мире, чего от нее хотел, требовал Митя». Так целостный мир вдруг распадается на два слагаемых — идеального и реального существования. Пока была надежда на верность Кати, Митя находился во власти Прекрасного. Но вот стала иссякать вера, Митя заставляет себя не ждать писем Кати, не думать о ней. И обыденное течение дней захватывает его. В этот момент он идет на гнусное предложение старосты воспользоваться услугами молодых крестьянок. Разговоры об этом, дворовые девки, Аленка тайная встреча с ней приглушают прежние мечты Мити. Почему же так произошло?

3. Гиппиус назвала чувство Мити «гримасничающим вожделением с белыми глазами». Такая оценка вывела Бунина из себя, поскольку драма юноши подменялась победой животного инстинкта. В повести расставлены абсолютно иные акценты.

Бунин не скрывает чувственной силы любви. Этот мотив громко звучит в повести. Не раз внимание Мити останавливается и на чужих деревенских женщинах.. «Митя подумал о девках; о молодых бабах, спящих в этих избах, обо всем том женском, к чему он приблизился за зиму с Катей, и все слилось в одно — Катя, девки, ночь, весна, запах дождя...» (14). Но «женское» в сознании героя сопряжено с любимой. И Аленка ему понравилась отдаленным сходством с Катей. Чувственное влечение к Кате единственной, было неотделимо от всех других переживаний, " которые все вместе доводили Митю до «какого-то предсмертного блаженства». А когда он прикоснулся к Аленке, «блаженства (восторга, истома всего существа») не было и в помине.

Если так, то чем же все-таки объясняет автор падение Мити?

Здесь таится вся сложность повести, вызывающей, как многое у Бунина, различие взглядов на нее. И точно, не легко ответить вопрос.

Основная трудность проистекает, думается, от того, что в «Митиной любви» высказано несколько точек зрения на одни и те же явления. Это придает особенную прелесть, «густоту», полемический накал прозе писателя.

Любви как зову, одухотворению, продолжению жизни с равным восхищением поклоняются автор и герой. «Вот этот запах? перчатки — разве это тоже не Катя, не любовь, не душа, не тело? И мужики, и рабочие в вагоне, женщина, которая ведет в отхожее место своего безобразного ребенка, тусклые свечи в дребезжащих фонарях, сумерки в весенних пустых полях — все любовь, все; душа, и все несказанная радость» — такая мысль волнует своей правдой. Но замкнутость Мити на чисто субъективных состояниях, неспособность реагировать на многие голоса этого богатого мира не могли не привести к трагедии. В ней — множество конкретных; истоков.

Прежде всего — несоответствие высоких порывов окружающей среде, идеального — реальному. Писатель четко проводит эту грань раздела. Абсолютно все персонажи повести чужды Мите внутренне, преданы скучной обыденности либо фальшивой деятельности. В «греховности» Кати тоже виновата среда, девушка в определенном смысле ее жертва. А откровенная торговля Аленки своим телом не от ее природной распушенности, а от подчиненности аморальным устоям барских усадеб. Тем не менее ощутимая доля ущербности не снимается с человека. Не с нятя она и с главного героя.

Не только самое окружение — его восприятие Митей несет в себе знак несостоятельности. В повести в разных вариантах повторяется о нём: «Он не знал, за что любил, не мог точно сказать, чего хотел...» Многие люди тоже, наверное, не смогут объяснить это чувство. В повести Бунина неопределенность приобретает глубокий смысл. Все в сознании Мити спутано, неясно. Эта особенность сообщает повествованию о юноше особую стилизованную окраску.

Уже после первой фразы следует показательная: «Так, по крайней мере, казалось ему». Кажимость происходящего — спутник мысли героя. Но Мите упорно казалось, что внезапно началось что-то...» «Казалось, что вообще над Катинной любовью стали преобладать какие-то другие интересы».() «Счастья, уже как бы осуществленного или, по крайней мере, вот-вот готового осуществиться...» .«... И мука эта была тем нестерпимее, что как будто не было никаких причин» () . «Что-то», «как бы», «казалось» — настойчивыми ссылками на шаткость, даже призрачность Митиных представлений «прошита» повесть. Не удивительно, что многие ее сюжетные ходы обусловлены таким мировосприятием героя. Уезжает он из Москвы, потому что более не может ходить на почту, чтобы не длить мучительные ожидания.

Митя добровольно, как неотвратимое принимает совершающееся с ним. В разговоре с циничным старостой, «торгующим» девками, он отвечает согласием «неожиданно для себя самого», «опять против воли»: «Ну и что же (...), ну вот и устрой». А затем все пошло неостановимым и примитивным ходом, от которого Митя не хотел и не мог отстраниться. «Он чувствовал себя; лунатиком, покоренным чьей-то посторонней волей, все быстрее и быстрее идущим к какой-то роковой, но неотразимо влекущей пропасти». «Я с ума схожу!» — думает Митя. Все ввергает его в пропасть: «Болезненное счастье» и «болезненное несчастье» — с Катей, «лунатизм» — с Аленкой. Но и другой акцент не менее запоминается. Романтически влюбленный считает не позорным заплатить Аленке за свидание с ним.

Бунинский герой — совсем юное, непрактичное существо.

Автор поэтому и сочувствует ему, видя его незащищенность и открытость. Нельзя здесь не согласиться с писателем, не задуматься над общечеловеческим смыслом нарисованной жесткими красками картины. В сходных обстоятельствах могут оказаться молодые люди любого времени. Вместе с тем, хотел или нет того Бунин, в отроческой неподготовленности к превратностям судьбы со всей откровенностью этого возраста отражаются устойчивые недуги человеческой души и воли.

Финал повести воспринимается двойственно. Он страшн: «Она, эта боль, была так сильна, так нестерпима, что не думая, что он делает, не сознавая, что из всего этого выйдет, страстно желая только одного — хоть на минутку избавиться от нее (...), он нашарил и отодвинул ящик ночного столика, поймал холодный и тяжелый ком револьвера и, глубоко и радостно вздохнув, раскрыл рот и с силой, с наслаждением выстрелил» (37,137).

Наслаждение разрывом с жизнью потрясает! Но снова: настойчивые| «не думая», «не сознавая» — дают право предположить и некоторый оттенок ненужной поспешности, какого-то детского нетерпения.

Трудно сказать, что было для Бунина первичным — понять уязвимость легковерной юности с высоты зрелого сознания или разочарования взрослого человека как следствие

его былых заблуждений. Ясно одно: писатель имел в виду отнюдь не только преступное отношение окружающих к Мите, но и его внутренние противоречия. Разумно писал немецкий поэт Р.-М. Рильке по поводу Мити: «Малейшая доля любопытства (я намеренно применяю эту самую по себе ничтожную мерку) к тому состоянию, которое должно было последовать за этим отчаянием, могла бы еще спасти его, хотя он действительно погрузил весь мир, который он знал и видел, на маленький, устремляющийся от него кораблик «Катя» <....>, на этом кораблике ушел от него мир». Только по всей вероятности, Бунин вовсе не хотел приглушить трагический накал своей повести. В таком своем качестве она заставляла острее чувствовать недопустимость свершившегося.

П. М. Бицилли, профессор Софийского университета, отметил ряд совпадений между «Митиной любовью» и «Дьяволом» Л. Толстого. На это Бунин откликнулся полемически, указав, что сходство проистекает из общности «всей деревенской, усадебной жизни наших мест». Действительно, связь между произведениями существует в чисто бытовой области. Бунин писал совершенно о других явлениях другой эпохи. И если здесь говорить о традициях великого художника, то они скорее восходят к трагедии любви Анны Карениной.

В повседневном существовании писатель видел одно из самых сильных проявлений души – любовь. Она одухотворяет бытие, а в своем влечении к идеальному – обнаруживает несовершенство реальных отношений и поведения.

Сложные душевные переживания героя повести «Митина любовь» с блеском и потрясающим психологическим напряжением описаны Буниным. Эта повесть вызвала споры, писателя упрекали в излишних описаниях природы, в неправдоподобности поведения Мити. Но мы уже знаем, что природа у Бунина не фон, не декорация, а одно из главных действующих лиц, и в «Митиной любви» особенно. Через изображение состояния природы автор удивительно верно передает чувства Мити, его настроение и переживания. Можно назвать «Митину любовь» психологической повестью, в которой автор точно и верно воплотил смятенные чувства Мити и трагический конец его жизни.

3.2. Своеобразие цикла «Темные аллеи» И.А.Бунина

Новеллами «Тёмных аллей» как бы завершились искания Буниным своей художественной формы, своего художественного стиля. Если в 1910-е годы в искусстве Бунина был господствующим способ изображения явлений мира и духовных движений человека путём резких контрастных сопоставлений, введения символики, то в позднем творчестве писатель возвращается (но тому были иные мировоззренческие основания) к лирике своей ранней прозы.

Но откуда название: «Темные аллеи»? Как вспоминал сам писатель, однажды ему в руки попала книга стихов поэта Огарева, и в стихотворении «Обыкновенная повесть» он наткнулся на строки: Кругом шиповник алый цвет,
Стояла темных лип аллея...

Эти строки вызвали в памяти Ивана Алексеевича русскую осень, ненастье, большую дорогу и проезжающего в тарантасе старого военного. Возникла картина, а вслед картине — сюжет рассказа, который Бунии и назвал словами, взятыми из стихотворения «Темные аллеи», — а когда готовил к печати книгу, то оно стало названием всей книги.

О чем она? Какая единая мысль, какая сквозная тема, какое всепоглощающее чувство пронизывают ее?

В своей книге «Освобождение Толстого» Бунин привел слова великого русского писателя, некогда сказанные ему, юноше: «Счастья в жизни нет, есть только зарницы его, — цените их, живите ими» (36, 37).

Таковыми «зарницами» счастья, озаряющими жизнь человека, Бунин считает любовь. «Любовь не понимает смерти. Любовь есть жизнь», — выписывает Бунин слова Льва

Толстого из «Войны и мира», и эти слова могут служить эпиграфом, сквозной темой и камертоном «Темных аллеи».

Эту книгу поистине можно назвать энциклопедией любви. Сам Бунин очень любил эти свои рассказы, прекрасно сознавая, что они способствуют воспитанию чувств читателя — в самом высоком чистом и поэтичном значении этого слова. Различные моменты и оттенки чувств занимают писателя; он вглядывается, вслушивается, угадывает, пытается вообразить всю «гамму» сложных отношений героя и героини. Все исследует писатель, влекомый стремлением постичь загадочную природу человека.

Но в первую очередь и главным образом Бунина, конечно, привлекает подлинная земная любовь, которая, как он считает, являет собою слияние, неразрывность «земли» и «неба», некий абсолют любви, гармонию ее двух противоположных начал,— гармонию, которую постоянно ищут, но не всегда находят все истинные поэты мира...

Такая любовь не придумана людьми, она встречается и, может быть, не столь уж редко. Она — огромное счастье, но счастье недолгое, порою — мгновение, именно как зарница: вспыхнуло — и исчезло. (Поэтому о супружеских парах в бунинских рассказах вообще, как правило, речи нет.)

В книге «Темные аллеи» любовь недолговечна. Более того: чем она сильнее, необычнее, тем скорее суждено ей оборваться. Но эта зарница счастья может осветить всю память и жизнь человека. Так, через всю жизнь пронесла любовь к «барину», некогда соблазнившему ее, Надежда, владелица постоялой горницы в рассказе «Темные аллеи». «Молодость у всех проходит, а любовь — другое дело», — говорит она. Двадцать лет не может забыть Русю он, когда-то молодой репетитор в ее семье. Он помнит в мельчайших подробностях все, что было в то удивительное, самое счастливое лето в его жизни. А героиня рассказа «Холодная осень», проводившая на войну своего жениха, которого через месяц убили, не только тридцать лет хранит в своем сердце любовь к нему, но и вообще считает, что в ее жизни только и был тот холодный осенний вечер, а остальное — лишь «ненужный сон».

Отличительная особенность любви в изображении Бунина — сочетание, казалось бы, не сочетаемых вещей. Не случайно Бунин однажды писал в своем дневнике: «И опять, опять такая несказанно - сладкая грусть от того вечного обмана еще одной весны, надежд и любви ко всему миру, что хочется со слезами благодарности поцеловать землю. Господи, Господи, за что так мучаешь нас».

Странная связь любви и смерти постоянно подчеркивается Буниным, и поэтому не случайно название сборника «Темные аллеи» здесь вовсе не значит «тенистые» — это темные, трагические, запутанные лабиринты любви.

О книге рассказов «Темные аллеи» Г.Адамович справедливо писал: «Всякая любовь — великое счастье, “дар богов”, даже если она и не разделена. Оттого от книги Бунина веет счастьем, оттого она проникнута благодарностью к жизни, к миру, в котором, при всех его несовершенствах, счастье это бывает»(14,235).

Настоящая любовь — великое счастье, даже если она завершается разлукой, гибелью, трагедией. К такому выводу, пусть поздно, но приходят многие бунинские герои, потерявшие, проглядевшие или сами разрушившие свою любовь. В этом позднем раскаянии, позднем духовном воскрешении, просветлении героев и таится та всеочищающая мелодия, которая говорит и о несовершенстве людей, не научившихся еще жить, распознавать и дорожить настоящими чувствами, и о несовершенстве самой жизни, социальных условий, окружающей среды, обстоятельств, которые нередко препятствуют истинно человеческим взаимоотношениям, а главное — о тех высоких эмоциях, которые оставляют немеркнущий след духовной красоты, щедрости, преданности и чистоты.

Любовь - таинственная стихия, преображающая жизнь человека, придающая его судьбе неповторимость на фоне обыкновенных житейских историй, наполняющая особым смыслом его земное существование.

Эта тайна бытия становится темой бунинского рассказа “Грамматика любви”(1915). Герой произведения, некто Ивлев, заехав по пути в дом недавно умершего помещика Хвощинского, размышляет о “любви непонятной, в какое-то экстатическое житие превратившей целую человеческую жизнь, которой, может, надлежало быть самой обыденной жизнью”, если бы не странное обаяние горничной Лушки. Мне кажется, что загадка таится не в облике Лушки, которая “совсем нехороша была собой”, а в характере самого помещика, боготворившего свою возлюбленную. “Но что за человек был этот Хвощинский?”

Сумасшедший или просто какая-то ошеломленная, вся на одном сосредоточенная душа?” По мнению соседей-помещиков. Хвощинский “слыл в уезде за редкого умницу. И вдруг свалилась на него эта любовь, эта Лушка, потом неожиданная смерть ее, - и все пошло прахом: он затворился в доме, в той комнате, где жила и умерла Лушка, и больше двадцати лет просидел на ее кровати...” Как можно назвать это двадцатилетнее затворничество? Помешательство? Для Бунина ответ на этот вопрос вовсе не однозначен.

Судьба Хвощинского странно завораживает и беспокоит Ивлева. Он понимает, что Лушка вошла навсегда в его жизнь, пробудила в нем “чувство сложное, похожее на то, какое испытал он когда-то в одном итальянском городке при взгляде на реликвии одной святой”. Что заставило Ивлева купить у наследника Хвощинского “за дорогую цену” маленькую книжку “Грамматика любви”, с которой не расставался старый помещик, лелея воспоминания о Лушке? Ивлев хотел бы понять, чем была наполнена жизнь влюбленного безумца, чем питалась долгие годы его осиротевшая душа. И вслед за героем рассказа раскрыть тайну этого необъяснимого чувства попытаются “внуки и правнуки”, услышавшие “преданье сладострастное о сердцах любивших”, а вместе с ними и читатель бунинского произведения.

Попытка понять природу любовного чувства автором и в рассказе “Солнечный удар”(1925). “Странное приключение”, потрясает душу поручика. Расставшись с прекрасной незнакомкой, он не может обрести покой.

При мысли о невозможности вновь встретить эту женщину “он почувствовал такую боль и ненужность всей своей дальнейшей жизни без нее, что его охватил ужас, отчаяния”. Автор убеждает читателя в серьезности чувств, переживаемого героем рассказа. Поручик ощущает себя “страшно несчастным в этом городе”. “Куда идти? Что делать?” - потерянно думает он. Глубина духовного прозрения героя ясно выражена в финальной фразе рассказа: “Поручик сидел под навесом на палубе, чувствуя себя постаревшим на десять лет”. Как объяснить то, что случилось с ним? Может быть, герой соприкоснулся с тем великим чувством, которое люди называют любовью, и ощущение невозможности потери привело его к осознанию трагичности бытия?

Мучения любящей души, горечь потерь, сладкая боль, воспоминания любовь, и время не властно над ней.

В рассказе “Темные аллеи”(1935) изображена случайная встреча людей, любивших друг друга тридцать лет назад. Ситуация достаточно заурядная: молодой дворянин легко расстался с влюбленной в него крепостной девушкой Надеждой и женился на женщине своего круга. А Надежда, получив от господ вольную, стала хозяйкой постоянного двора и так и не вышла замуж, не имела семьи, детей, не узнала обыкновенного житейского счастья. “Сколько ни проходило времени, все одним жила, - признается она Николай Алексеевичу. – Все проходит, да не все забывается.... Простить я вас никогда не могла. Как не было у меня ничего дороже вас на свете в ту пору, так и потом не было”.

Она не могла изменить самой себе, своему чувству. А Николай Алексеевич понял, что потерял в Надежде “самое дорогое, что имел в жизни”. Но это минутное

прозрение. Покидая постоянный двор, он “со стыдом вспоминал свои последние слова и то, что поцеловал у ней руку, и тотчас стыдился своего стыда”. И все-таки ему трудно представить Надежду своей женой, хозяйкой петербургского дома, матерью своих детей...Этот господин придает слишком большое значение сословным предрассудкам, чтобы предпочесть им подлинное чувство. Но он расплатился за свое малодушие отсутствием личного счастья.

Как по-разному осмысливают происшедшее с ними герои рассказа! Для Николая Алексеевича это “история пошлая, обыкновенная”, а для Надежды - не умирающие воспоминания, многолетняя преданность любви.

Страстное и глубокое чувство пронизывает последнюю, пятую книгу романа “Жизнь Арсеньева” – “Лику”. В основу ее легли преображенные переживания самого Бунина, его юношеская любовь к В.В.Пашенко. В романе смерть и забвение отступают перед силой любви, перед обостренным чувством – героя и автора – жизни.

В теме любви Бунин раскрывается как человек удивительного таланта, тонкий психолог, умеющий передать состояние души, раненной любовью. Писатель не избегает сложных, откровенных тем, изображая в своих рассказах самые интимные человеческие переживания. На протяжении столетий многие художники слова посвящали свои произведения великому чувству любви, и каждый из них находил что-то неповторимое, индивидуальное этой теме. Особенность Бунина-художника состоит в том, что он считает любовь трагедией, катастрофой, сумасшествием, великим чувством, способным и беспредельно возвысить, и уничтожить человека.

Да, любовь многолика и часто необъяснима. Это вечная загадка, и каждый читатель бунинских произведений ищет собственные ответы, размышляя над тайнами любви. Восприятие этого чувства очень лично, и поэтому кто-то отнесется к изображенному в книге как к “пошлой истории”, а кто-то будет потрясен великим даром любви, который, как и талант поэта или музыканта, дается отнюдь не каждому. Но одно, несомненно: бунинские рассказы повествующие о самом сокровенном, не оставят равнодушными читателей. Каждый юный человек найдет в бунинских произведениях что-то созвучное собственным мыслям и переживаниям, прикоснется к великой тайне любви. Именно это делает автора “Солнечного удара”, всегда современным писателем, вызывающим глубокий читательский интерес.

Понимание мира и своего места в нём, которое с такой художественной силой воплотилось в новеллах сборника, Бунин выразил в характерной записи, относящейся к тому времени: “Мы живём тем, чем живём, лишь в той мере, в какой постигаем цену того, чем живём. Обычно эта цена очень мала: возвышается она лишь в минуты восторга - восторга счастья или несчастья, яркого приобретения или потери; ещё - в минуты поэтического преображения прошлого в памяти”. Таким “поэтическим преображением прошлого” и предстаёт творчество писателя эпохи эмиграции.

Новеллы Бунина о любви - это повествование о её загадочной, ускользающей всегда природе, о тайне женской души. Исход любви, по Бунину, всегда трагичен. В повести “Митина любовь” (1925) героя всё время преследует романс Рубинштейна на слова Генриха Гейне: “Я из рода бедных Азров, полюбив, мы умираем!” Впечатление от него как бы переживают все герои новелл из “Тёмных аллей”.

Натура эмоциональная и страстная, Бунин пережил за свою долгую жизнь несколько глубоких, подлинно драматических потрясений. Четыре женщины, каждая из которых стала эпохой для Бунина, сопровождали его, вдохновляли, мучили и радовали. Варвара Пашенко - прообраз Лику из пятой книги романа “Жизнь Арсеньева”. Анна Цакни, расставшись с которой Бунин пишет брату Юлию: “Давеча я лежал часа три в степи и рыдал и кричал, ибо большей муки, большего отчаянья, оскорбления и потерянной любви, надежды, всего, может быть, не переживал ни один человек...”, Вера Николаевна Муромцева-Бунина, Галина Кузнецова.

В любви Бунин видел “возвышенную цену” жизни. Именно она давала сознание “приобретения” счастья. Но это счастье оказывалось неустойчивым, как неустойчива в приобретениях и утратах сама жизнь. Об этом - известные бунинские новеллы “В Париже”, “Холодная осень”, “Генрих” и другие.

Персонажи новелл сборника очень разные. Это студенты, писатели, художники, армейские офицеры. Но все они люди одной судьбы. Все они ищут потерянную “цену жизни”, ищут в любви, в воспоминаниях о прошлой любви. Одна из самых характерных и художественно совершенных новелл сборника - “Чистый Понедельник” (“чистый понедельник” - это первый день поста после масленицы, её последнего, прощенного воскресенья, день очищения от скверны). Как вспоминала Муромцева-Бунина, писатель считал эту новеллу лучшим из всего написанного. Действительно, ею как бы завершался целый период раздумий Бунина о России, её судьбах. С точки зрения художественной это была вершина словесного мастерства Бунина. К тому же “Чистый Понедельник” - не только о любви, но и о судьбах России 1910-х годов, стоявшей тогда на грани неизбежного общественного взрыва. Бунин как бы задавал вопрос: могло ли быть иначе, чем произошло в истории, могла ли пойти Россия по другому пути национального развития, в чём был её “исторический грех”?

По содержанию, бытовому фону “Чистый Понедельник” - рассказ подчёркнуто национально-русский, со всеми атрибутами русской патриархальности, церковностью, чертами типично московского интеллигентского богемного быта начала XX века. В центре рассказа - несколько загадочный образ русской женщины, в расцвете молодости и красоты ушедшей в монастырь и принявшей постриг. Тайна её характера, внешняя необъяснимость поведения связаны с её изначальным решением, пройдя искусы жизни, уйти от мира с его соблазнами, потерявшего нравственную точку опоры. Уход героини в монастырь внутренне обосновывается у Бунина мотивом некоего искупления за историческое отступничество России, которая “сорвалась” со своих нравственных устоев в бунт и мятежность. Читая рассказ, мы отчётливо видим, как героиня и сам Бунин размышляют о национальном нравственном идеале России.

Бунинская проза этого времени вновь приобретает глубоко субъективный характер, как и в ранний период творчества писателя. Сюжет бунинской поздней новеллы обычно прост, несложен. Развитие действия замедлено лирическими воспоминаниями о прошлом, которые приобретают и вполне самостоятельное значение. Лирика прозы Бунина обращена к памяти, эмоциям человека, неразрывно связанного с невозвратно ушедшим миром: “И вот дни и годы уже туманятся в памяти,- многие дни и годы моих дальнейших скитаний, постепенно ставших моим обычным существованием, определившим неопределённость его, узаконенной бездомностью, длящейся даже и донине, когда надлежало мне иметь хоть какое-нибудь постоянное пристанище, а не смену чужих стен, уже почти два десятилетия..” - говорится в одной из записей Бунина. Так вновь, через двадцать лет после публикации стихотворения “У птицы есть гнездо”, - прозвучала у Бунина мысль о своей “бездомности” без России.

Новеллами “Тёмных аллей” как бы завершились искания Буниным своей художественной формы, своего художественного стиля. Если в 1910-е годы в искусстве Бунина был господствующим способ изображения явлений мира и духовных движений человека путём резких контрастных сопоставлений, введения символики, то в позднем творчестве писатель возвращается (но тому были иные мировоззренческие основания) к лирике своей ранней прозы.

Выводы

В теме любви Бунин раскрывается как человек удивительного таланта, тонкий психолог, умеющий передать состояние души, раненной любовью. Писатель не избегает сложных, откровенных тем, изображая в своих рассказах самые интимные человеческие переживания. На протяжении столетий многие художники слова

посвящали свои произведения великому чувству любви, и каждый из них находил что-то неповторимое, индивидуальное этой теме. Особенность Бунина-художника состоит в том, что он считает любовь трагедией, катастрофой, сумасшествием, великим чувством, способным и беспредельно возвысить, и уничтожить человека.

Да, любовь многолика и часто необъяснима. Это вечная загадка, и каждый читатель бунинских произведений ищет собственные ответы, размышляя над тайнами любви.

Заключение

Исследование явилось попыткой определить идейно-художественное своеобразие творчества Бунина эмигрантского периода и определить значение его творчества для современности.

Проанализировав произведения Бунина, мы пришли к выводу о том, что в творчестве Бунина ярко отражены традиции русской литературы. Бунин - реалист, для которого свойственны образная память, прекрасное знание народного языка, неуловимая художественность и свобода, великолепная изобразительность, словесная чувствительность. Он внес в литературу новые, непривычные для того времени темы и звучания, создал ни с чем не сравнимый «бунинский» стиль, до сих пор поражающий нас своей яркой необычностью.

Творчество И.А.Бунина обладает высокой цельностью. Тем больший смысл имеет приверженность Бунина национальному началу, стремление через него раскрыть всемирное содержание жизни. Писатель с мучительной пристальностью всматривается в национальные типы, издавна открытые русской литературой, изводит себя постоянным вопросом: кто же народ? Что же есть такое Россия? Какие именно моменты и стороны ее исторического развития оказываются определяющими для психического склада русского человека?

Его произведения, написанные Буниным в эмиграции, пронизаны чувством одиночества, бездомности и тоски по России. Во многих произведениях Бунина эмигрантского периода раздумья Бунина о России.

С годами его трагические сомнения и постоянные колебания только усиливаются. Лучшее, что писал Бунин, - написано о России. Где бы он ни жил, в Приморских Альпах, в Париже, в своей скромной квартире, - всюду и всегда своими помыслами он возвращался на родину, по которой тосковал до последнего вздоха. «Странной любовью» любил Бунин свой народ горькой и жалостливой любовью, тоскуя о непонятной судьбе его.

Этот период стал взлётом творчества Бунина. В те годы он написал самые совершенные свои произведения.

Бунин в «Окаянных днях» стремился осмыслить события 1917-1919 годов в аспекте мировой истории, русской и европейской, которую новые хозяева не знали, да и не хотели знать, и которую нельзя забывать потомкам

Слова писателя звучат как предостережение. В своей книге Бунин обращает мысли к людям будущего. Трезвое, реалистическое описание в «Окаянных днях» 1918-1919 годов приобретает трагически-пророческий смысл. Бунин предостерегает нас от ошибок современной ему действительности, от нового агитирующего мифа, о том, что история,

сделав свой виток, возвращается к старому. Ценно то, что И. Бунин с его чувственным восприятием мира и необыкновенным умением передавать увиденное, запечатлел образ России тех дней. Он сделал новый шаг в познании народа, русского национального характера на разломе времен.

В «Окаянных днях» Бунин выступает не только как публицист, но также как художник слова, природа не может оставить его равнодушным. Он записывает в дневнике не только бурные события, но также привлекает его пристальное внимание, сияющее по-весеннему небо, месяц в небе, розовые облака, сугробы - то, что вызывало в нем «тайный восторг какой-то», в чем чувствовалась поэзия, и было опьянение от мира, когда многое так восхищало. Пейзажные зарисовки занимают особое место в дневниковых записях И.А. Бунина. Пейзаж помогает писателю смягчить, очеловечить страшные события 1917 года. Происходящее вокруг не может изменить сущности истинного художника, всю жизнь посвятившего поискам сочетания «прекрасного и вечного». Бунин широко использует художественные средства. Оригинальна цветовая гамма - «бледно-молочной ночью», «розовые огни», «могильно-темна», «золотые маковки церквей», «сизая даль». Разнообразны эпитеты - «весна окаянная», «дикая музыка», метафоры - «голова горит», «дерево побледнело», «Москва обесчещенная». Бунин называет Россию «старым домом», солдат - «грабителями». Вожди революции получают множество определений - «жулики», «мерзавцы», «словоблуды». Он замечает такие детали, которые в газете были бы неуместны: «дама в пенсне», «молодой офицер», который покраснел, потому что не может заплатить за билет. Эти трогательные подробности очеловечивают грозные и страшные события. Бунин не раз записывает, как он сам остро их переживает, так остро, что испытывает физическую боль.

“Вечные темы”, звучавшие в творчестве писателя до 1917 года, размышления о смысле бытия, о любви и смерти связываются теперь, а с годами всё более и более, с мыслью о России, отошедшей для него в область воспоминаний. Бунин-художник теперь в прошлом, в Москве, в усадьбах, которых уж нет, в провинциальных русских городках. Но старые темы и само прошлое преобразуются в его творчестве новым душевным состоянием - ощущением какой-то трагической сопряженности своей судьбы и судьбы России.

В теме любви Бунин раскрывается как человек удивительного таланта, тонкий психолог, умеющий передать состояние души, раненной любовью. Писатель не избегает сложных, откровенных тем, изображая в своих рассказах самые интимные человеческие переживания. На протяжении столетий многие художники слова посвящали свои произведения великому чувству любви, и каждый из них находил что-то неповторимое, индивидуальное этой теме.

Особенность Бунина-художника состоит в том, что он считает любовь трагедией, катастрофой, сумасшествием, великим чувством, способным и беспредельно возвысить, и уничтожить человека.

Понимание мира и своего места в нём, которое с такой художественной силой воплотилось в новеллах сборника. Новеллы Бунина о любви - это повествование о её загадочной, ускользающей всегда природе, о тайне женской души. Исход любви, по Бунину, всегда трагичен. Да, любовь многолика и часто необъяснима. Это вечная загадка, и каждый читатель бунинских произведений ищет собственные ответы, размышляя над тайнами любви.

Самыми “прочувствованными” книгами Бунина 20-30-х годов были сборники рассказов “Митина любовь” (1924), роман “Жизнь Арсеньева” (1927-1933) и книга новелл о любви “Тёмные аллеи” (1943), которую он сам считал своей “самой лучшей книгой в смысле сжатости, живости и вообще литературного мастерства”

Кроме сборника “Тёмные аллеи”, другим, “подводящим итоги бурного творчества Бунина”, стал роман “Жизнь Арсеньева”, в котором он пытался осмыслить события и своей жизни и жизни России до 1917 г. Роман представляет собою лирическую исповедь

героя, повествование о формировании личности художника “от истока дней”, через восторги и муки первой любви, радости творчества к осознанию невозвратимости ушедшего. Бунинский роман традиционен своей автобиографической заданностью, что подчеркнуто самим писателем, но в то же время существенно отличается по своей структуре и настроению от автобиографических произведений С. Аксакова или Л. Толстого.

В основе романа - созерцание и переживание памятных мгновений жизни, своего прошлого, своего духовного мира, какими они видятся автору сегодня. В этой книге слились воедино проза и поэзия, эпическое повествование о России и лирика, создав некий новый жанр “лирической эпопеи”. И хотя лейтмотив романа - тема утрат, однако, в отличие от других произведений Бунина той поры, он лишён трагической тональности. В нём прозвучала страстная убеждённость писателя в силе и власти любви над смертью.

Бунин-художник всегда осознавал человека как звено в цепи поколений. Эта тема звучит и в романе. Память истории, память поколений живёт осознанно или бессознательно в каждом человеке и движет, наряду с влиянием современности, его поступками, определяет его побуждения и склонности. Эту мысль Бунин воспринял ещё в 900-е годы из восточных философских учений, которыми увлёкся после своих путешествий по Востоку. Но в романе эта мысль приобрела новое значение. Бунину важно было сказать, что процесс восприятия современности есть не что иное, как узнавание прошлого, невозвратно ушедшего.

Новое в «Жизни Арсеньева» проявляется уже в самом жанре произведения, которое строится как свободный лирико-философский монолог, где нет привычных героев, где даже невозможно выделить сюжет в обычном понимании этого слова.

Новизна “Жизни Арсеньева” еще и в том, что ни в одной из бунинских вещей не раскрыто с такой простотой то явление, которое мы называем “внутренним миром” человека. Все, о чем говорит автор, слышно, осязаемо и надолго радует или печалит нас.

Критическое отношение к действительности в произведении Бунина направлено, главным образом, против новой власти, которую он называл «кучкой авантюристов, считающих себя политиками»

Во многих из этих стихотворений этого периода ощущается тоска поэта, оторванного от своей родины. Эмиграция, несомненно, накладывает отпечаток на жизнь и творчество любого писателя или художника, не мыслящего свою творческую работу вне жизни своей родины.

Теме любви и смерти (часто у Бунина соприкасающихся) посвящены произведения – “Грамматика любви”, “Легкое дыхание”, “Митина любовь”, “Кавказ”, “В Париже”, “Галя Ганская”, “Генрих”, “Натали”, “Холодная осень” и др. Давно и очень верно замечено, что любовь в творчестве Бунина трагедийна. Писатель пытается разгадать тайну любви и тайну смерти, почему они часто соприкасаются в жизни, в чем смысл этого.

Практическая значимость работы заключается в возможности использования результатов исследования при чтении лекционного курса «История русской литературы XX века», спецсеминаров и спецкурсов, посвященных творчеству И.А.Бунина.

Список использованной литературы:

1. Каримов И.А. Узбекистан на пороге достижения независимости. – Т.: Узбекистан, 2011. – 383 с.
2. Каримов И. А. Мировой финансово-экономический кризис, пути и меры по его преодолению в условиях Узбекистана. - Т.: Узбекистан, 2009. - 56 стр.
3. Каримов И. А. Концепции дальнейшего углубления демократических реформ и формирования гражданского общества в стране. - Т.: Узбекистан, 2010. - 56 стр.
4. Каримов И. А. Продолжение модернизации страны - важный фактор развития. - Газета «Ишонч» от 8 декабря 2010 года.
5. Каримов И. А. Все наши планы и программы служат во имя развития Родины, благосостояния народа. - Газета «Халк сузи» от 22 января 2011 года
6. Каримов И.А. Узбекистан на пороге XXI века: угрозы безопасности, условия и гарантии прогресса. – Т.: Узбекистан, 1997. – 315 с.
7. Аверин. - №7. - С. 22-26.
8. Асаткин В.М. Последние дни России: «Окаянные дни» Ивана Бунина // Филол. зап. - 1993. - Вып.1.
9. Бунин И.А. Окаянные дни. Воспоминания. Статьи / Сост., подгот. текста, предисл. и коммент. А.К. Бабореко. - М., 1990. - 416 с.
10. Бунин И.А. Публицистика 1918-1953 годов / Под общей редакцией Н. Михайлова. - М.: Наследие, 1998. - 640 с.
11. Бунин И. Окаянные дни. Воспоминания. Статьи. – М.1990.
12. Бунин И. Окаянные дни. / Собр. соч. в 6-ти тт. - Т.6. - М.: Сантакс, 1994.
13. Бунин И.А. Собр.соч. в 6 тт. – т. 5. – М.,1988.
14. Бунин И.А. Жизнь Арсеньева. Повести и рассказы / Сост. Вст.ст. А.А.Саакянц. – М., 1989.
15. Бунин И. А. Собрание сочинений: В 9 т. / Вступ. ст. А.Т. Твардовского. - М.: Художественная литература, 1965-1968.
16. Василевский А. Разорение. - Новый мир. – 1963. - №2.
17. Высочайшая правда творчества: (современники о И.А. Буние) // Нева. - 1995. - №10. - С. 201-208.
18. Горький М. Собр. соч. в 30-ти томах. - т.28.
19. Горьковские чтения.. - М., 1961.

20. Заманская В.В. Русская литература первой трети XX века: проблема экзистенциального сознания: Монография. – Екатеринбург, 1996.
21. Ильинский И. М. О Бунине: статьи, интервью, выступления. — М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2009. — 94 с.
22. Казак В. Лексикон русской литературы XX века. — М.: РИК «Культура», 1996. — 492 с.
23. Костомарова И. Нравственно-общественная позиция И.А. Бунина в 1916-17 годах (по дневникам Н.А. Пушешникова) // Тезисы докладов на межвузовской научной конференции, посвященной 120-летию со дня рождения И. Бунина (24-27 сентября) /ОГПИ. - Орел, 1991. - С. 7-10.
24. Кулебяко Е.С. И.А. Бунин и Академия Наук // Русская литература. - 1967. - №4. - С. 175-179.
25. Лавров В. Холодная осень. Иван Бунин в эмиграции: 1920 -1953. Роман-хроника. - М., 1989. - 384 с.
26. Ланин Б. Окаянная современность и горечь позднего прозрения («Заметки о «Несвоевременных мыслях» и «Окаянных днях»)//Народное образование. - 1990. - №6.
27. Литературная энциклопедия русского зарубежья. - М.: РОССПЭН, 1997. - 512 с.
28. Литературное наследство. - Т.84. В 2-х кн. - Книга 1. Иван Бунин / Ред. В.Г. Базанов и др. - М.: Наука, 1973. - 696 с.
29. Литературный энциклопедический словарь / Под ред. В.М. Кожевникова, П.А. Николаева. – М., 1987. - 752 с.
30. Минаев Д. М. И. А. Бунин: Памятники в России и за рубежом (справочник). — М., 2010. — 96 с.
31. Михайлов О.Н. Иван Алексеевич Бунин // Михайлов О.Н. Литература русского зарубежья. - М., 1995. - 490 с.
32. Михайлов О. Н. Жизнь Бунина. Лишь слову жизнь дана... - М.: Центрполиграф, 2001. - 491 с.
33. Михайлов О.Н. Иван Алексеевич Бунин. Очерк творчества. - М.: Наука, 1967. - 173 с.
34. Михайлов О. «Окаянные дни» Бунина: Литературная критика // Москва. - 1989. - №3. - С.187-202..
35. Ошар К. «Окаянные дни» как начало нового периода в творчестве И. Бунина . – М.,2001.
36. Саакянц А.А. И.А.Бунин / И.А.Бунин. Жизнь Арсеньева. Повести и рассказы / Сост. Вст.ст. А.А.Саакянц. – М., 1989. – С.5 – 44.
37. Смирнова Л.А. Иван Алексеевич Бунин: Жизнь и творчество: Книга для учителя. – М., 1991. - 192 с.
38. Трубина Л. А. Русская литература XX века. - М.: «Флинта»; Наука. - 1998. - 564 с.
39. Шаховская Зинаида. В поисках Набокова. Отражения. М.: Книга, 1991.
40. Шмелев И.С. Слово на чествовании И.А. Бунина // Уроки литературы, 2000. - №3. - С. 1-2.
41. Эберт К. Образ автора в художественном дневнике Бунина «Окаянные дни» / Русская литература. - 1996. - №4. - С. 106-110.
42. Интернет-сайты.

<http://www.author-bunin.ru/index.php>.

www.yandex.ru
www.google.ru
google.uz